

Сб
Б-75
БОЕВЫЕ
РЕБЯТА
Вып. 19

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ

★

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Выпуск девятнадцатый

*Свердловское
Книжное Издательство
1954*

У синего моря

Н. Тимофеева *Рисунки В. Воловича*

Белый город

Должно быть, Серёжа проснулся от тишины, которая внезапно наступила в вагоне. Он приподнялся и взглянул в окно.

Поезд стоял на небольшой станции. В мутном предрассветном тумане вырисовывались силуэты странных домиков с плоскими квадратными крышами. Невиданные деревья протягивали широкие ветви к свинцовому тёмному небу, и ветер рвал их листья.

Серёжа увидел надпись: «Северо-Кавказская железная дорога». «Так это и есть юг? А где же солнце? На юге должно

быть много солнца! Папа всю дорогу твердил, что в кавказских субтропиках, куда они едут, почти так же жарко, как и в настоящих тропических странах... Люди там носят белую одежду и соломенные шляпы. Шляпу можно надвинуть на глаза и закрыть лоб, но всё равно лицо становится чёрно-коричневым от загара»...

По стеклу забарабанили крупные капли дождя.

— Здравствуйте, пожалуйста!.. Дождя мы не видали, что ли...— заворчал Серёжа и недовольно покосился на верхнюю полку.

— А ты не нервничай!..— добродушно отозвался сверху отец.

Он легко спрыгнул с полки и, перекинув через плечо розовое мохнатое полотенце, загадочно кивнул в сторону противоположного окна:

— Туда вон лучше посмотри!..

Серёжа нехотя повернулся. Вначале ему показалось, что он видит пустынную равнину, только была она почему-то бурого цвета, словно всю траву повыжгло солнцем. Бурые пятна переходили кое-

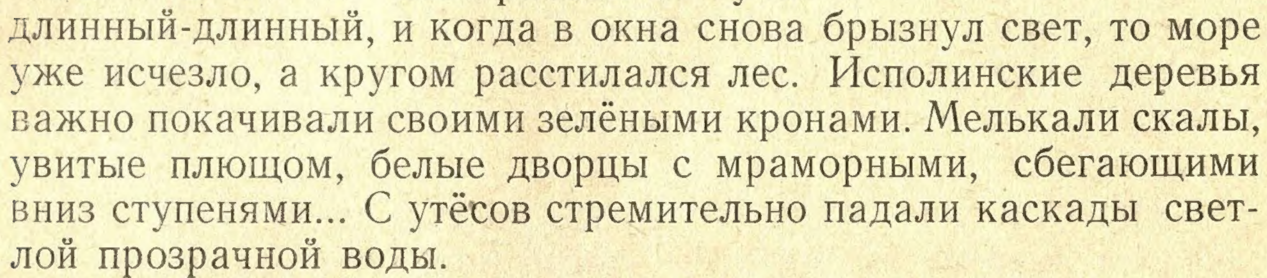
где в грязносерые, а у самого горизонта сливались в широкую чёрную полосу.

Равнина казалась самой обыкновенной, и ничего особенного в ней не было. Но вдруг сквозь тучи пробился маленький лучик солнца, и бурое бескрайнее пространство заколебалось, тёмные пятна перешли кое-где в бирюзовые...

Серёжа так и замер: да ведь это и не равнина вовсе, а море! Настоящее море!

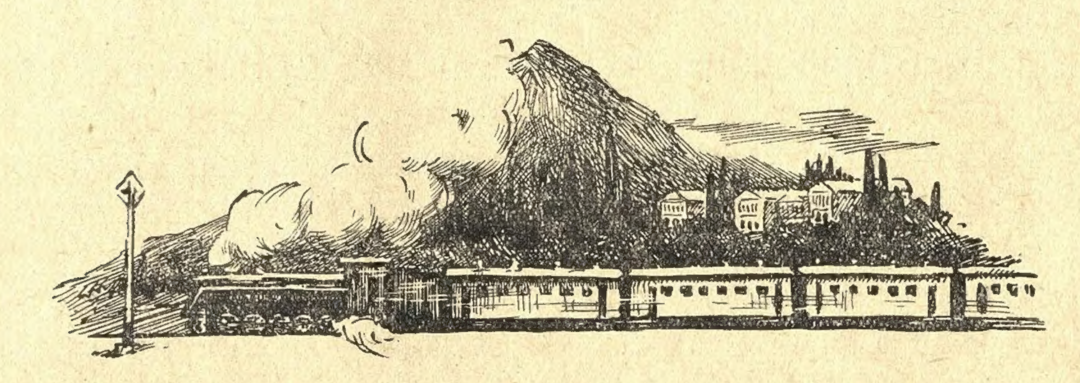
Теперь было видно, как громадные буро-зелёные волны перекатывались одна через другую и бросались на жёлтый, в белоснежных хлопьях пены, берег.

За окном закачались, поплыли куда-то назад телеграфные столбы. Поезд нырнул вглубь скалы, и сразу же в вагоне стало темно и зажглось электричество. Туннель длинный-длинный, и когда в окна снова брызнул свет, то море уже исчезло, а кругом расстилался лес. Исполинские деревья важно покачивали своими зелёными кронами. Мелькали скалы, увитые плющом, белые дворцы с мраморными, сбегающими вниз ступенями... С утёсов стремительно падали каскады светлой прозрачной воды.

В лучах подымающегося солнца блеснуло влажное от дождя шоссе. В нём, как в зеркале, отразилась зелень пирамидальных тополей и кипарисов. Из-за резной листвы деревьев показались белые высокие здания с колоннами.

— Ура! Город!.. Белый город! — закричал Серёжа.— Приехали!..

В палаточном лагере

Город назывался Сухуми. Лежал он у подножья невысоких скалистых гор, и шумные нарядные улицы его спускались к морю.

С моря дул свежий прохладный ветерок, и даже в самые жаркие дни, когда солнце неистово посылало вниз раскалённые лучи свои, в городе не ощущалось духоты.

Серёжа с отцом жили недалеко от моря. Место, где они устроились, было не совсем обычным. Никаких домов здесь не было. На большом пространстве раскинулось множество палаток из серой парусины. Они стояли плотными рядами, образуя улицы и переулки, вдоль которых покачивались в клумбах розы и яркокрасные канны.

По жёлтым песчаным дорожкам лагеря разгуливали юноши и девушки с золотистыми от загара лицами, с полотенцами, перекинутыми через плечо. В огромные, гостеприимно распахнутые ворота то и дело въезжали голубые автобусы, переполненные туристами. Машины подпрыгивали на неровной мостовой, и казалось, что туристы в белых панамках и тёмных очках весело раскланиваются с каждым деревцом и кустиком.

Серёжу и папу тоже все называли туристами. Но только они ещё ни разу не были на экскурсиях. Они отдыхали после дороги. Шутка ли — пять суток езды в поезде!

Новое знакомство

Серёжа отстегнул край палатки и выглянул в «дверь» или, попросту говоря, в щелку, что образовалась между двумя «стенами» палатки.

Утро было прохладное и свежее. На дорожках лагеря лежали тени. Залитые солнечным светом кусты стряхивали с себя капли росы. День обещал быть чудесным. И это обрадовало Серёжу: ведь сегодня предстояло путешествие к озеру Рица!

Пока папа укладывал в рюкзак яблоки, колбасу, консервы и другие вкусные вещи, Серёжа умылся и скорей побежал

к машине. Но оказалось, что он напрасно торопился: лучшее место рядом с шофёром было уже занято мальчиком в цветной ковровой тюбетейке. Иссиня-чёрные волосы падали ему на лоб крупными завитками. На смуглом лице поблескивали тёмные глаза.

Мальчик критически оглядел лёгонький Серёжин костюм — майку и трусики — и сказал с характерным для абхазцев акцентом:

— Замёрзнешь. Надо что-нибудь тёплое надеть...

Серёжа помчался обратно в палатку, захватил плащ и «сомбреро», как он называл обыкновенную соломенную шляпу с громадными полями, а когда вернулся, то место рядом с шофёром было свободно: мальчик в тюбетейке сидел позади.

— Садись туда,— и абхазец показал рукой на освободившееся место.

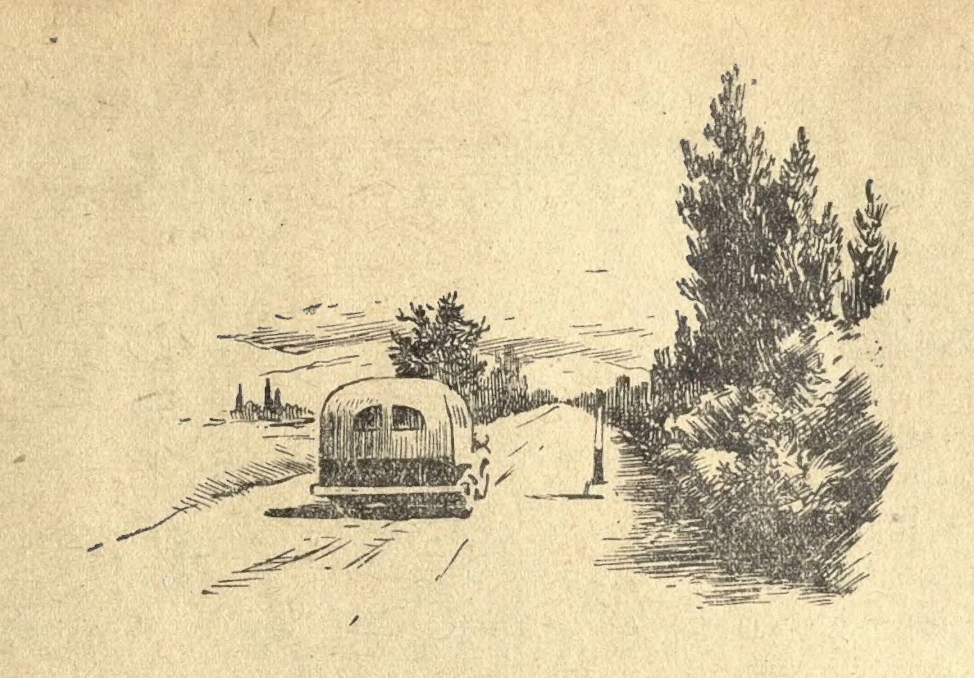
Серёжа благодарно кивнул в ответ и нерешительно спросил:

— Тебя как зовут?

— Шамиль зовут... Шамиль Пандария,— приветливо улыбнулся мальчуган.— А ты откуда?

— Я с Урала приехал,— ответил Серёжа.

— О! С Урала! — Шамиль с уважением посмотрел на

голубоглазого белокурого Серёжу.— А тёплые дни у вас бывают?.. С кем ты приехал?..

Серёжа сказал, что летом на Урале дни бывают не только тёплые, но и жаркие, и солнышко иногда очень даже здорово припекает. А приехал он с отцом. Правда, стоило это больших трудов. Мама Серёжина — она инженером на металлургическом заводе работает — никак, ну просто никак не хотела отпустить его: всё боялась, что Серёжа или в море утонет, или в пропасть какую свалится. Но тут уж папа возмутился и сказал, что раз так, то он всё равно увезёт сына с собой... Этого ещё недоставало, чтобы мальчика в трусишку превращали...

Ещё Серёжа хотел рассказать новому знакомому о том, как все ребята из их школы завидовали ему, когда узнали, что он едет на юг, о том, что перешёл нынче в шестой класс и что папа преподаёт в школе физику, но в это время раздался гудок, и машина плавно тронулась с места.

По горной дороге

Автомобиль мчался по ровному гладкому шоссе обсаженному рядами пальм и цветущих олеандров. Ветер рвал одежду, старался сбросить шляпы, и было ничуть не жарко, скорее холодно. Шоссе внезапно устремилось вниз, к мосту через

бурную горную речушку, потом — вверх. Дорога шла зигзагами — взад-вперёд, взад-вперёд.

Серёжа оглянулся — высоко ли взобрались? — и чуть не закричал от удивления: сверху земля представлялась картой — огромной, раскрашенной зелёным, коричневым, жёлтым, синим. И море, которое в день приезда казалось почти чёрным, сейчас было голубым, а на востоке — бледнорозовым.

Начался спуск, и потянулись оливковые и тунговые рощи, чайные, табачные плантации, виноградники. Серёжа смотрел по сторонам и видел людей, высоких, красивых, загорелых. Они возделывали землю, прокладывали дороги...

— А наша школа помогала этой весной совхозу «Ильич»! — с нескрываемым удовольствием кричал в ухо Серёже Шамиль, и чёрные смородиновые глаза его возбуждённо блестели.— Мы перекопали землю, удобрили её... и урожай лимонов поможем собрать...

Серёжа жевал золотистые, кисло-сладкие, похожие на маленькие груши, плоды мушмулы и слушал, что говорила тёмноволосая девушка в сером жакете. Девушку звали Ламарой. Она была экскурсоводом. Шамиль сказал, что Ламара — его сестра и он всегда сопровождает её в экскурсиях.

— А снег у вас зимой выпадает? — спросил Серёжа.

Ламара засмеялась, и Шамиль тоже засмеялся. Ламара сказала, что в Абхазии круглый год зелёная трава. Редко-редко начинают падать снежинки, но это бывает раза три-че-

тыре за всю зиму... В ноябре в Сухуми поспевают апельсины, инжир, мандарины. В декабре, когда на Урале стоят жестокие морозы и свирепствуют бураны, на берегу Чёрного моря зацветают фиалки, мимоза, нарциссы, а позднее — японские сливы, миндаль и розовые персики.

— Вот жизнь! — с восхищением сказал Серёжа.

— Зато у вас зимой можно на лыжах кататься! — с нескрываемой завистью ответил Шамиль.

Серёжа на минуту представил себе, как с другом Ваней Поповым он летит на лыжах с высокой горы. Ветер старается сбить их с ног, а они, низко присев и заложив руки за спину, вихрем несутся по гладкой снежной дорожке прямо в ложбину, поросшую голубоватым ельничком. Хорошо!

...Шоссе круто повернуло в ущелье, и машина помчалась вдоль каменных утёсов. Громадные скалистые глыбы смыкались вверху, образовывали арки, туннели. Где-то высоко-высоко плыл над головой кусочек синего неба. Далеко внизу шумела река. Потом к ней присоединилась ещё одна речушка, и вместе они заскакали, запрыгали весело по камням, потащили за собой гладкие круглые валуны.

Серёжа нагнулся посмотреть вниз, но сразу же отпрянул: машина мчалась по краю обрыва. Казалось, одно неосторожное движение — и автомобиль сорвётся в пропасть...

Стараясь ничем не выдать беспокойства, внезапно охватившего его, Серёжа оглянулся. Лица сидевших в машине были веселы и беззаботны. Старичок — учитель из Одессы — молчаливо и восхищённо рассматривал красноватые громады скал. Студенты из Тбилиси распевали задорную песенку и после каждого куплета звонко хохотали. Отец громко спо-

рил о чём-то с инженером из Хабаровска. Заметив встревоженное лицо сына, он улыбнулся и ободряюще помахал ему рукой.

Серёжа отыскал глазами Шамиля. Шамиль настойчиво тряс за плечо девушку в сером пальто. Почему-то всю дорогу эта девушка спала. Время от времени её будил кто-нибудь из соседей: «Вы только посмотрите, красота-то какая!». Девушка окидывала сонным, равнодушным взглядом громады гор, сладко зевала и снова роняла голову на руки.

«Вот соня! — думал Серёжа.— Стоило такую даль ехать, чтобы всю дорогу спать...»

Привал устроили у беседки с решетчатыми стенами. С крыши беседки свисали кисти цветов и ещё зелёные гроздья винограда. Поодаль, в небольшом углублении, плескалась вода красивого бирюзового цвета. В ней отражались лиловые скалы и ветви деревьев.

Серёжа думал, что вода только кажется синей. Всегда ведь так бывает: смотришь издали на озеро — оно отливает голубым, подойдёшь ближе — становится серым и мутным.

Он спустился к берегу — вода была всё такой же голубой, нагнулся и зачерпнул её руками и увидел, что даже ладошки, просвечивающие через тонкий дымчато-зелёный слой, стали голубыми.

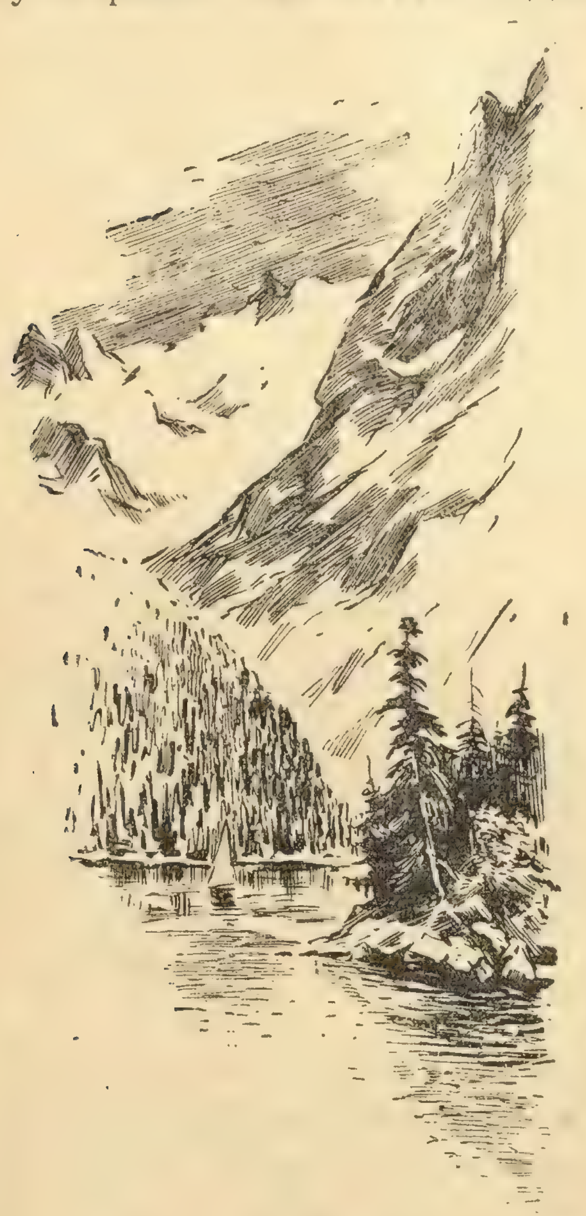
— Смотри, смотри! — кричал Шамиль и показывал на ручей, вытекающий из озера.

Ручей сверкал на солнце тысячами мелких синих брызг. Он падал в реку, и вниз по её течению тянулась узкая голубая полоса. Похоже было, что в серовато-стальные волны реки бросили яркую шёлковую ленту. Она развёртывалась и становилась шире и бледнее.

Ламара сказала, что озеро так и называется: «Голубое», а абхазские учёные называют его ещё карстовым, потому что оно образовано подземным потоком. Поток проходит через известняки, и потому вода в озере очень чистая. В ней нет никаких примесей, только совсем немного растворено бесцветных солей... Вот почему она имеет такой красивый оттенок и кажется светлосиней.

Бездонное озеро

И снова ехали по краю обрыва. Но уже не слышно было шума реки: она осталась далеко внизу. Машина, почти касаясь кузовом отвесной каменной стены, подвигалась вперёд. Бежали навстречу белые коротенькие столбики. Они ограждали шоссе от пропасти, и было не так страшно, когда столбики виднелись по краям дороги.

— Внимание, товарищи! — сказала Ламара.— Подъезжаем к высокогорному озеру Рица...

У красного кирпичного здания автобусной станции, где уже стояли, выстроившись в ряд, автобусы из Сочи, «зисы» из Адлера, Гудаут, Ахали-Афони, все вышли из машины и пошли пешком.

Озеро лежало в котловине между снежных гор.

Можно было хоть целый день стоять на берегу и всё смотреть на ровную сверкающую гладь... Деревья, и скалы, и горы отражались в ней. Озеро повторяло их очертания и

казалось бездонным. Смотри в него, заглядывай — всё равно не увидишь, где кончается небо, где исчезают лёгкие тающие облака!

По воде скользили белые яхты, проносились моторные лодки. На яхтах развевались алые флажки, и люди махали с лодок руками, кричали что-то...

Снежные вершины гор сверкали и искрились на солнце. Они были совсем близко, но Ламара сказала, что это только так кажется...

Так вот оно какое, это знаменитое озеро Рица!

Серёжа раньше только на картинках видел его изображение. Есть такие конфеты — «Рица». На блестящих, с золотинками бумажках — надпись витыми буквами, а в овале нарисовано озеро. Но разве можно его сравнить с настоящим?

Серёжа спросил, почему оно так называется, это озеро. Почему «Рица», а не как-нибудь иначе?

Ламара ответила, что существует много легенд о происхождении озера. Самая красивая легенда — о девушке по имени Рица. Спасаясь от преследователей, эта девушка убежала в горы. Она просила солнце и горы помочь ей. Когда враги Рицы были совсем близко, на их пути раскинулось громадное озеро.

Экскурсанты развязывали вещевые мешки, устраивали общий завтрак под развесистой чинарой.

Шамиль потянул Серёжу за руку, раздвинул кусты. Серёжа осторожно скользнул в чащу леса.

Взявшись за руки, мальчики зашагали среди высоченных дубов.

Они прошли совсем немного, как вдруг Серёжа услышал странный шум. Он напоминал шипенье раскалённой плиты, когда на неё медленно, через одинаковые промежутки времени падают одна за другой тяжёлые капли воды.

— Что это такое, а?.. Шамиль?

Шамиль не отвечал. Он срывал на ходу розовые бубенчики цветов, и крепкие загорелые ноги его мелькали среди густой высокой травы.

Странные звуки усилились. Теперь, казалось, шипела не одна, а сотни раскалённых плит.

Мальчики вышли на зелёную залитую солнцем лужайку. С одной стороны лужайки поднималось облако дыма.

Серёжа побежал смотреть, откуда взялся дым. Но «дым» оказался вовсе не дымом, а мелкой водяной пылью. Прямо у ног Серёжи лежало широкое ущелье, и туда с оглушительным грохотом низвергался белый, пенистый водопад. Вода летела с кручи вниз, кипела, бурлила, неслась к следующей груде камней и снова падала вниз...

— Так вот что ты хотел мне показать, Шамиль!

Серёжа наклонился над обрывом — ух, как далеко до дна ущелья! — и почувствовал, как мягко дрогнула земля.

Он посмотрел себе под ноги и увидел чёрную трещинку. Она извивалась, словно змейка, скользила по серому гравию, пряталась в траве.

— Прыгай, Серго! Прыгай!

Голос Шамиля был резким, пронзительным.

Серёжа удивлённо приподнял брови: чего он волнуется, этот кавказец? Долго, что ли, перешагнуть через узенькую щелочку в земле?

— Прыгай! — закричал Шамиль и почему-то отбежал в сторону.

Серёжа занёс ногу над трещиной, но трещины уже не было. Вместо неё зияла огромная, бархатисто-чёрная щель. Она становилась всё глубже и шире. Во все стороны от неё бежали с ужасающей быстротой новые змейки-трещины, а кусочек лужайки, на котором стоял Серёжа, содрогался и плыл куда-то вниз.

Шамиль встал на колени, почти повис над обрывом, протянул Серёже руку. Серёжа подался всем телом вперёд, ощутил горячую ладонь друга, и в ту же минуту земля рухнула под ним. Увлекая за собой Шамиля, Серёжа покатился в бурлящую воду.

У водопада

— Серго! Очнись, Серго!

Серёжа приподнял голову. Ему всё ещё казалось, что он плывёт в лодке. Лодку качает, на неё налетают огромные волны, и оттого так холодно, так сыро.

— Больно, Серго?

Серёжа открыл глаза, зажмурился от брызг, летевших в лицо. Сквозь мутную водяную плёнку проступали очертания скал и белой высокой стены. Стена колебалась. Она должна была вот-вот упасть. Чтобы не видеть, как посыплются сверху белые блестящие камни, Серёжа закрыл глаза.

— Очень больно, Серго?

Едва-едва слышен сквозь оглушительный грохот воды знакомый голос. Это Шамиль говорит. Но почему он так далеко? Серёжа сбросил мокрую повязку, которая почему-то оказалась у него на голове, увидел встревоженное, низко

склонившееся над ним грязное и исцарапанное лицо Шамиля.

— О, Серго!..— глаза Шамиля сверкали и смеялись от радости.— Ещё немножечко полежи, Серго!

Серёжа отрицательно покачал головой: нет, ему не больно. Только чуточку голова кружится. Ну, да это пройдёт... А как они попали в ущелье? Скатились с обрыва? Ах, да!

Снежная грохочущая стена — это водопад. Он похож на высокий, с серебряным блеском столб. Вода обрушивается с отвесного порога, разбивается о камни, мчится к нагромождениям скал...

Хорошо, что они упали на узенькую полоску песка. Она засыпана травой и землёй. И оттого, что земли много, песчаная отмель превратилась в удобную площадку. А впереди — вода, с обеих сторон тоже вода, сзади — гладкий, без единого выступа берег обрыва.

— Что делать будем? Выходить как будем?

Шамиль с надеждой посмотрел на противоположный берег, почти отвесно спускавшийся к реке. Чудом уцепившись корнями за каменистую почву, росло на берегу одинокое дерево.

Пробраться бы к тому берегу! Но как? По реке скачут светлые барашки волн. Барашков много-много. Они обгоняют друг-друга, торопятся... Среди волн мелькают острые углы камней. Они покрыты зеленоватой тиной. Если долго смотреть на камни — голова идёт кругом. В глазах появляются серые, тёмные пятна... Надо иметь твёрдые ноги и смелое сердце. Русский мальчик не удержится на камнях. Он упадёт в воду. Вода унесёт его вниз, сбросит на камни...

На краю обрыва, но не там, где был обвал, а немного левее, показались странные горбатые фигурки. Ближе к обрыву, у большого камня, стояла девочка в длинных тёмных шароварах. Она размахивала чем-то красным и кричала. Из-за шума падающей воды нельзя было разобрать, что она кричала...

Серёжа посмотрел в ту сторону, куда показывала девочка. Высоко в горе на противоположном берегу виднелось тёмное пятно величиной с монету...

Серёжа схватил Шамиля за руку, но Шамиль даже и не оглянулся.

— Тона-а! Эй, Тона-а! Верёвку броса-ай! Верёвку-у! — закричал он и начал перебирать руками, вытянув их вверх, как будто взбирался по верёвке, зажав один конец её между коленями.

Фигурки зашевелились, забегали. Одна из них бросилась к обрыву, таща какой-то узел. Девочка в шароварах замахала руками, побежала навстречу, подхватила узел и вернулась к камню.

Шамиль быстро присел и поймал свёрнутую в кольцо верёвку.

Девочка опять стала кричать что-то и показывать рукой вверх. Шамиль взглянул на небо и, прежде чем Серёжа успел что-либо понять, обхватил одним концом верёвки его грудь и спину, туго затянул петлю, сделал несколько крепких узлов.

— Постой, Шамиль! Что ты делаешь, Шамиль?

— Будем переходить реку!

Шамиль сказал это твёрдо и спокойно. Он был уверен в своих силах. Он не боялся за себя, он думал о маленьком русском друге. Никто ведь сейчас не мог спасти его, кроме Шамиля! Не так уж трудно перебросить верёвку через реку. Сейчас он встанет на этот большой истрескавшийся валун, раскачает в руках свёрнутый верёвочный круг...

— Раз! Два-а... Три-и-и!..

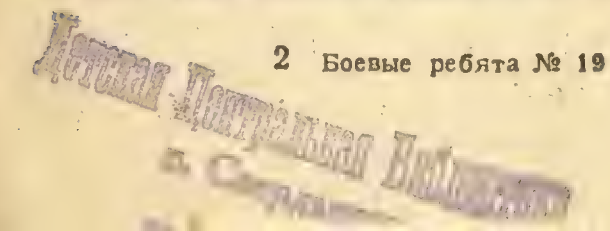
Верёвка пролетела над бушующей водой, зацепилась петлей за толстый сук дерева, росшего на противоположном берегу...

— Ур-ра! Наша взяла!

Шамиль спрыгнул с камня, сказал весело:

— Пойдёшь после меня, Серго! Вон по тем камням пойдёшь! Как только дёрну за верёвку — иди! В воду не смотри, на верёвку не смотри... Смотри на камни! Ботинки сними!..

Шамиль взглянул на Серёжу добрыми глазами и улыбнулся. Должно быть, хотел, чтобы Серёже не очень страшно было. И Серёжа успокоился немножко, сел и начал снимать ботинки, как велел Шамиль. Тот тоже разулся, связал чувяки шнур-

ками, перекинул их через плечо. Потом встал на камень и перепрыгнул на другой, на третий...

Серёжа оглянулся, увидел, что девочка в шароварах всё ещё стоит на прежнем месте, и помахал рукой, как будто ничего особенного не случилось и ему, Серёже, ничуть не страшно оставаться одному в ущелье.

Красный галстук-флажок взвился выше, затрепетал на ветру. Серёжа ещё раз помахал рукой, и в это время верёвка, которой он был обвязан, дрогнула и шевельнулась.

Стараясь не смотреть вниз, он ступил на обомшелый, весь в трещинах обломок скалы, выступающий над водой. Нога прочно утвердилась на камне. Серёжа посмотрел в воду. Она бурлила и кипела, словно молоко в кастрюле, только края у кастрюли были не гладкие, а рваные и острые, и молоко-вода выплескивалось через зеленоватые углы камней, и во все стороны летели мелкие холодные брызги.

Он вспомнил наказ Шамиля и отвёл глаза. Наметил валун, шагнул через поток и почувствовал лёгкое дрожание верёвки. Оно означало, что Шамиль тянет верёвку к себе, и потому она не падает в воду, не цепляется за камни, не мешает идти.

И тогда Серёжа перестал думать о том, что его может смыть водой, бросить на скалы. Он выбирал камни и осторожно ступал на них; и дерево на берегу становилось всё ближе и ближе, и не так оглушительно грохотала внизу вода...

Совсем немножко осталось до берега.

Ещё немножечко...

Уже отчётливо видны чахлая мутнозелёная листва, искривленный ствол дерева и толстый сук, на котором сидит Шамиль. Медленно и равномерно, словно стальной трос, наматывается на сук верёвка. Мелькают худые мускулистые руки Шамиля, бережно расправляют каждый узел. Лицо мальчика мокро от пота, но Шамиль улыбается, и белые зубы сверкают на его тёмном лице.

Вот Шамиль кубарем скатился с дерева. Он бежит навстречу Серёже, протягивает руки...

Последний шаг — и Серёжа опускается, почти падает на тёплый мягкий песок...

Пещера

Звук был глухой и шуршащий. Он напоминал шелест сухих листьев. Серёжа осторожно повернул голову, посмотреть, что это такое... По крутому склону горы, увлекая песок и гравий, медленно сползал покрытый зелёным мхом камень.

Интересно, куда он упадёт?

— Не смотри, Серго!.. Нельзя смотреть вниз! Голова закружится!

Слова Шамиля прозвучали как приказание, и Серёжа покорно продолжал карабкаться вверх, стараясь не думать о том, что внизу, за спиной, — пятидесятиметровая пропасть, круто обрывающаяся в озеро...

До пещеры, высеченной в почти отвесной каменной стене, оставалось ещё около десятка метров. От каждого неосторожного

движения из-под ног срывались мелкие камни и, дробно стуча, сыпались вниз.

Цепляясь за выступы и кусты, потные, исцарапанные мальчики добрались, наконец, до чёрного зияющего отверстия в скале.

Холодом и сыростью повеяло оттуда. У входа в пещеру, словно застывшие часовые, торчали два огромных камня, и Серёже стало немного не по себе.

Мальчики вошли в огромный конусообразный грот высотой до двух метров. На стенах грота дрожали причудливые тени. Сверху спускались корни каких-то растений. Журчал невидимый ручей. Желтоватое пятно света падало на чёрную гранитную скалу. Серёжа провёл ладонью по скале. Она была холодная и гладкая. Должно быть, её долго и тщательно выравнивали чем-то твёрдым. Только в одном месте нащупывались шероховатости и углубления.

Серёжа наклонился и в продолговатой каменной нише различил силуэт бегущего оленя: стройные ноги, огромные ветви-рога. Только голова казалась удивительно маленькой.

Ниже виднелись непонятные знаки — палочки, крестики. Они были сделаны едва заметной красной краской.

— Шамиль! Иди сюда, Шамиль! — срывающимся от волнения голосом позвал Серёжа товарища.

Засунув руки в карманы коротеньких чёрных штанишек, Шамиль ходил вокруг большой груды камней, выложенных в форме неровного стола.

— Жертвенник,— таинственным шёпотом сказал Шамиль.— Здесь они нашли черепки и кости животных.

— Кто это они?

— А ты думал, мы первыми сюда попали, да? Смотри, что здесь написано. Видишь?

У входа в грот, где стояли два огромных камня, была вделана медная пластинка и на ней выгравирована надпись:

«Пещера найдена пионерками Нурией Гусейновой и Фрэнгиз Георгадзе. Государственный музей Абхазии».

— Они из нашей школы,— с жаром пояснил Шамиль.— Они в восьмом классе будут учиться... Знаешь, какая им благодарность была! В музее установили, что в этой пещере жили люди каменного века.

— Вот здорово! — с восхищением сказал Серёжа, и светлые глаза его широко раскрылись и стали ещё светлее.— А вдруг мы тоже что-нибудь интересное найдём, а, Шамиль?

Шамиль внимательно посмотрел на русского мальчика, весь вид которого выражал крайнее возбуждение, и ответил, что, конечно, неисследованных пещер в Абхазии ещё очень много... А через этот грот они выйдут на южный склон горы и спустятся к озеру. Кончится гроза, и можно будет идти к выходу из пещеры. Он, Шамиль, не раз бывал здесь, но совсем забыл о втором выходе. Тона подоспела во-время. Как только он взглянул в ту сторону, куда показывала Тона, он сразу вспомнил про пещеру. И он нисколько не удивился, когда увидел Тону на берегу. Кто ж не знает Тону Карачарову и её звено! Они всё время бродят по горам!.. Наступают каникулы, и эти девчонки надевают рюкзаки и забираются куда-нибудь подальше от города... А в пещере Шамиль и Серёжа переждут дождь. Кончится гроза, и можно будет идти дальше...

— Гроза!.. Какая же гроза?

Серёжа выглянул из пещеры, посмотрел на небо. Оно было чистое, только над озером стояли маленькие тучки.

И вдруг подул ветер. Спустился туман. Гор совсем не стало видно, а в воздухе замелькали маленькие бабочки-снежинки.

— Снег! — удивился Серёжа.— В конце июня-то... А говорили, снега тут не бывает.

— Так это ж только у озера, а больше нигде нет...

С неба полились, хлестнули по земле потоки воды. Грохнуло так, что растения под сводами пещеры взметнулись вверх, заколебались, и по красноватым мшистым скалам побежали длинные косматые тени.

Яркий слепящий свет озарил стены пещеры. Серёжа прижался к скале, закрыл глаза. Вот так же грохотал гром и в давние-давние времена, когда в пещере жили первобытные

люди. С ужасом прислушивались они к его раскатам, и розовые отблески молний падали на их грубые лица...

...Дождь лил и лил. Вход в грот задёрнулся непроницаемой пеленой непрерывно журчащей воды. На поверхности лужиц вскипали и лопались пузырьки воздуха.

— Вниз смотри! — сказал Шамиль.— Водопад видишь? Дерево видишь? А камни где? Песок где?

Серёжа склонился над пропастью. Далеко внизу извивалась толстым белым шнуром река, а ущелье исчезло. И никакого водопада не было. И дерево чуть-чуть выглядывало из воды.

— Спасибо будем говорить Тоне,— сказал Шамиль.— Тона первая заметила, что дождь пойдёт.

Шамиль направился вглубь пещеры. Серёжа осторожно последовал за ним.

Узкий извилистый коридор поворачивал то вправо, то влево. Руки касались холодных влажных стен. Падали сверху капли воды, и снова звенел ручей, и эхо гулко разносило под сводами пещеры каждый шаг.

Чтобы не упасть, не потерять в темноте Шамиля, Серёжа ухватился за его пояс и шёл, спотыкаясь о невидимые глыбы, останавливаясь, когда останавливался Шамиль.

Вдали показалось пятно света. Коридор стал шире. Мальчики сделали ещё несколько шагов и остановились перед громадным отверстием в пещере.

В отверстие видна была залитая солнечным светом полянка. Шамиль отвёл рукой толстые виноградные лозы, в каменный коридор хлынули потоки жарких солнечных лучей. Открылись прятавшиеся в траве гранитные плиты. Плиты потре-

скались от времени. Они лежали одна над другой, как ступеньки, и спускаться по ним было легко и удобно.

Над землёй подымался пар. Казалось, даже далёкие вершины гор дымятся. Солнце усердно сушило траву и деревья. Сверкали капли дождя на кустах. Щебетали птицы.

Перепрыгивая через ямы, наполненные мутной дождевой водой, через поваленные деревья, мальчики спускались по склону горы к озеру.

Возвращение

— Знаешь, папа, это только вначале было страшно, когда берег начал осыпаться... А потом — ничего!.. И нисколько я не боялся, потому что с Шамилем был. Знаешь, он какой храбрый, Шамиль?

Потный и исцарапанный, с растрёпанными волосами, Серёжа стоял перед Константином Андреевичем, не решаясь взглянуть в глаза отцу. Ботинки Серёжины были полны воды. Майка и трусы промокли насквозь. Маленький вздёрнутый нос облупился, покраснел.

Что сказала бы мама, если б увидела Серёжку в таком виде!

Сам Константин Андреевич выглядел не лучше сына. Брюки его и ботинки были покрыты липкой жёлтой грязью, рукав шёлковой рубашки полуоторван: — это он, когда искал Серёжу в лесу, зацепился за сук дерева.

— А зато мы пещеру видели, и оленя на стене, и...

Серёжа обернулся, с тревогой посмотрел в сторону большой чинары, под которой стояла Ламара. Лицо у Ламары было сердитое и обиженное, и она что-то быстро-быстро говорила по-абхазски. Шамиль молчал. Молчал и слушал, опустив голову, и глаза его были полузакрыты.

— М-да, брат, плохи наши дела,— сказал Серёже Константин Андреевич и тоже взглянул в сторону дерева.— Пойдём-ка, умоемся... Да и на спасительниц твоих надо посмотреть...

В толпе экскурсантов Серёжа заметил девочек в яркокрасных пионерских галстуках. Девочки очень походили друг

на друга. У всех были чёрные блестящие косы и смуглые лица. Одна из них — худенькая, высокая, в светлой майке и длинных тёмных шароварах — рассказывала, должно быть, что-то очень весёлое и интересное, потому что все смеялись, и никто не обратил внимания на Константина Андреевича с сыном.

Серёжа подошёл поближе, прислушался. Девочка в шароварах посмотрела на Серёжу, наморщила смуглый гладкий лобик:

— Это и есть тот самый пропавший мальчик?

Серёжа вспыхнул. Конечно же, это Тона стоит перед ним! У неё серые глаза, чёрные пушистые ресницы и тоненький, с едва заметной горбинкой нос.

— А почему ты такой недисциплинированный? — улыбнулась насмешливо Тона.

Серёжа хотел сказать, что это Шамиль позвал его к водопаду, но вспомнил ущелье, дерево на берегу, Шамиля, протягивающего ему руку, и ничего не стал говорить, промолчал.

— Наше звено путешествует,— важно сказала Тона.— Хорошо, что мы по берегу шли и увидели вас... Могли и не увидеть... Очень даже просто... И вас смыло бы водой. Ливень-то ведь здоровенный был. В такой ливень лучше дома сидеть, а не по горам лазить...

Тона надела рюкзак, и девочки тоже натянули на плечи вещевые мешки и сразу превратились в тех горбатеньких, которых Серёжа видел на берегу обрыва. На прощанье они покивали чёрными блестящими головками и зашагали к какому-то Бзыбскому ущелью, в котором, как они сказали, им нужно было побывать во что бы то ни стало, а Серёжа с отцом и все остальные пошли своей дорогой, к автобусной станции.

Туристы сели в машину.

Там в горах, где снег да ветер,
На-ни-на, на-ни-на!
Жил Вано, старик столетний
На-ни-на, на-ни-на!..

запели весёлые студенты.

Начался головокружительный спуск с горы.

Отъезд

Этот подвижной весёлый мальчуган с большими карими глазами на тёмнобронзовом лице заставлял повиноваться себе решительно во всём. Но Серёжу ничуть не тяготила опека Шамиля.

Шамиль знал множество вещей, о которых Серёжа имел лишь смутное представление.

Через заросли цветущих кактусов вёл Шамиль друга в маслиновые рощи, где воздух был напоён пряным ароматом тропических растений, где росли камфорные деревья, лавры, бананы.

Запрокинув голову, Серёжа рассматривал огромные молочно-белые цветы с нежными прозрачными лепестками. Цветы покачивались в тёмнозелёном кружеве блестящих, сверкающих на солнце листьев, и каждый цветок был величиной с блюдце.

— Магнолия! — притворно равнодушно говорил Шамиль, но в голосе его слышались горделивые нотки, когда он пояснял, что магнолию называют ещё лавром тюльпанным и родом она из Южной Америки.

— Таких деревьев у нас сколько хочешь! Около нашей школы они растут, на центральном проспекте, в скверах...— перечислял Шамиль и останавливался у гигантского, в рост человека, ландыша.— Пальма юкка из семейства ландышевых... А вот — иудино дерево... Смотри, где цветы растут!

Серёжа задерживался у дерева, ветви которого были покрыты целыми пучками ярколиловых цветов, сидящих прямо на коре, а Шамиль уж показывал

самшит и эвкалипты и говорил, что самшит — единственное в мире дерево, которое тонет в воде, так как удельный вес его больше удельного веса воды, а эвкалипты осушают почву, и их запах не переносят малярийные комары...

По узеньким горным тропинкам мальчики карабкались к развалинам старинных башен, защищавших когда-то Абхазию от набегов кочевников, поднимались к скалам, в расселинах которых росли альпийские цветы-рододендроны, спускались в длинные извилистые ущелья.

Один раз они пришли к горе, у подножья которой росли рядами пальмы — кокосовые, финиковые, «слоновые». Пальмы широко раскинули зонты зелёной листвы, и стволы их были покрыты лохматой бахромой. Мальчики поднялись на вершину горы и очутились в... хвойном лесу.

...И всё же больше всего Серёже нравилось бывать у моря. Часами мог он лежать на берегу, подставив тело жарким солнечным лучам, чтобы приняло оно тот шоколадный оттенок, которым щеголяли перед приезжими сухумские мальчишки.

В часы затишья море казалось синим-синим, таким, как

рисуют его на картинках в книжках. Небольшие волны лениво, одна за другой, набегали на берег, шуршали галькой и весело откатывались назад. В лучах заходящего солнца яркая морская синева отливала перламутром, а на горизонте, там, где небо сливается с водой, пламенела широкой алой полосой.

В пасмурные дни море недовольно клокотало у берега. Оно было грозным и таинственным.

Часто, когда Серёжа, по обыкновению, грелся на солнышке, на пляже появлялся Шамиль. Шёл он вразвалку, засунув руки в карманы штанишек, подражая походке старого морского волка, которому ничто не страшно, который всё на свете испытал... И, конечно же, Шамиль был в своей неизменной полосатой тельняшке. Из-за ворота тельняшки выглядывала крепкая загорелая шея.

Увидев Серёжу, Шамиль сбрасывал напускную важность и вприпрыжку бежал к приятелю.

Последний раз ребята пришли к морю перед самым отъездом Серёжи из Сухуми.

На море был шторм. Волны набрасывались одна на другую, брызгали пеной и разбивались о мол...

Серёжа лежал на песке, перебирал разноцветные круглые камешки.

В такую погоду разве захочешь уйти от моря? Чёрное-чёрное, оно шумит и волнуется, грозит поглотить и берег и дома на набережной...

— Вай, Серго-джан, боишься? — укоризненно крикнул Шамиль, разбежался, нырнул головой в белую кипящую пену. Гибкое коричневатое тело мелькнуло меж волн, скрылось в тёмной зеленоватой пучине...

Серёжа хотел так же ловко, с разбегу, броситься в море, но огромная серозелёная волна обрушилась на него, швырнула на песок, больно хлестнула по ногам галькой...

Серёжа глотнул мутной солёной воды, протёр глаза и засмеялся... Конечно, было досадно на себя и немножко завидно: Шамиль такой ловкий и ничего не боится...

Шамиль вылез из воды, растёр докрасна полотенцем оливковое тело и вынул из футляра маленькую «леечку». Серёжа отошёл к скале, и Шамиль сфотографировал его. Потом Серёжа сидел на песке, лежал в белой пене прибоя, делал вид, что бросается с разбегу в воду, и Шамиль всё фотографировал его.

Наконец, Шамиль сказал, что хватит, потому что у него все плёнки кончились. И ещё сказал, что приедет обязательно на Урал и привезёт фотографии с собой. Зимой на Урале очень холодно или нет? А белые ночи... Они только летом бывают?

На вокзале Шамиль ходил по перрону рядом с Серёжей и снова говорил об Урале и вдруг замолчал и сказал «по секрету», что, пожалуй, он должен побывать сначала в Кутаиси. Все ребята из их класса решили махнуть на будущее лето в Кутаиси, в Сатаплиа. Это гора такая. Она совсем недалеко от Кутаиси. На ней учёные обнаружили недавно следы динозавров... Да, да! — пусть Серёжа не удивляется — следы настоящих динозавров... Отпечатки их лап хорошо сохранились в грунте... И вот они решили посмотреть, что это за следы.

Может, Серёжа ещё раз приедет сюда, и они тогда вместе отправятся к Сатаплиа?..

Серёже не хотелось расставаться с Шамилем, но вагон

мягко дрогнул, за окном всё закачалось, поплыло назад, и Шамиль в своей тельняшке, с «лейкой», перекинутой через плечо, остался на перроне...

Необычное письмо

Будто и не было жарких солнечных дней, и Серёжа никогда не ездил в Сухуми.

Посмотришь в окошко—дождик моросит. Бродят по двору мокрые взъерошенные куры, квохчут недовольно, ссорятся из-за каждого зёрнышка.

Совсем как осень! Солнца нет и нет...

Серёжа хотел захлопнуть окно да вдруг увидел: идёт по неширокой, заросшей травой улочке тётя Паша. В руках у тёти Паши пачка голубых, розовых, жёлтых конвертов и такие же конверты в большой кожаной сумке, перекинутой через плечо.

— Тётя Паша, а мне письмо?.. — закричал Серёжа.

— Есть, есть! — весело сказала почтальонша и сунула в руки Серёже что-то гладкое и зелёное.

Взглянул Серёжа на «письмо» и удивился: на ладони, почти закрывая её, лежал широкий, овальной формы, лист.

Немного сморщенный по краям, но всё ещё блестящий, как будто кто покрыл его лаком, он источал тонкий нежный запах каких-то цветущих растений.

Вдохнул Серёжа этот аромат, и встало перед его глазами море, пальмы на набережной и огромные, достигающие нескольких сажен в вышину, деревья с белыми душистыми цветами...

Магнолия!

Конечно же, это лист магнолии! И послал «письмо» не кто иной, как Шамиль! Сколько раз говорил он Серёже о том, что «магнолиевое письмо» можно послать почтой... Нужно выбрать лишь тонкое перо, чтобы чернила не расплывались на волокнистой поверхности листа, когда будешь писать, наклеить марку и сдать «письмо» заказным...

Серёжа перевернул лист. На обратной матовой стороне его, как раз под почтовой маркой с изображением Кремля, виднелось несколько голубоватых строк.

«Здравствуй Серго! — прочёл Серёжа.— Это я, Шамиль, пишу. Привет тебе из Сухуми. У нас стало совсем жарко. Скоро начнут вызревать мандарины. Приезжай на следующее лето! Жду!»

Серёжа ещё раз перечитал «письмо», достал бумагу и сел поближе к окну. Несколько минут он задумчиво смотрел в окно, потом принялся быстро писать.

Конечно, хорошо бы съездить в Абхазию ещё раз,— писал Серёжа. Но разве Шамиль забыл их уговор? Он должен обязательно побывать на Урале. Серёжа живёт у самой Чусовой. Это такая река, такая река... Сколько на ней утёсов! Их называли раньше «бойцами». В весеннее половодье около этих «бойцов» гибли целые караваны судов... А берега Чусовой покрыты хвойным лесом. Весной, когда появляются первые подснежники, Серёжа может хоть целый день бродить по тайге. Недавно он принёс дикую яблоньку и посадил её под окном. А ещё растут у них во дворе крыжовник и малина. Скоро настоящий сад будет... Если Шамиль захочет, они поедут к городу Кунгуру и спустятся в ледяную пещеру. Это — удивительная пещера. Настоящий дворец. Она тянется под землёй больше чем на пять километров. В ней очень много гротов, и все они названы поразному. Есть грот Бриллиантовый, Полярный, Коралловый риф. Есть даже

озеро. Оно мрачное и таинственное, и над ним не голубое небо, а чёрный, покрытый инеем потолок. Пусть Шамиль обязательно приезжает. На горе Сатаплиа он успеет ещё не один раз побывать...

...На улице попрежнему лил дождь. Но Серёжа не смотрел в окно,— он писал другу письмо в Абхазию.

Н. Садовый *Рисунки Л. Токмакова*

Председатель совета дружины Егор
Целый месяц готовил торжественный сбор.
Он готовил для сбора обширный доклад,
Викторину,
концерт,
физкультурный парад,
Оформлял стенгазету,
витрину,
альбом —
Всё как будто учёл,
не забыл ни о чём.
Вот и сбор...
Все явились торжественно в зал,
Председатель с трибуны доклад прочитал,
А потом, когда кончил цитаты читать,
Стал стихи декламировать,
петь
и плясать,

Викторину провёл
и попрыгал с мячом.
Был доволен Егор:
не забыл ни о чём!..
Почему ж недоволен Егором отряд?
Потому, что он делает всё за ребят,
Потому, что в дружине,
в отряде,
в звене
Все работать должны — не стоять в стороне!

Фока-лежебока

Н. Садовый *Рисунки Л Токмакова*

Однажды в лагерь на горушке
Приехал Фока Боровушкин.
На вид ему двенадцать лет.
Как подобает пионеру,
Он чист, опрятен, вежлив в меру.
Но...— Что нам делать? С Фокой
сладу нет! —
Твердят ребята, чуть не плача,—
Он день-деньской толчётся возле дачи!
Все собираются в поход,
Он ноет: «Заболел живот».
Отряд идёт в соседний лес,
А Фока наш в гамак залез.
Зовём его: «Пошли купаться.
На солнцепёке полежим».
Но ведь у Фоки свой «режим»,—
Он в лагерь ехал «поправляться».
Так растолстел, что, верь не верь.
Теперь с трудом проходит в дверь...

* * *

Понятно всем, что этот Фока
Хоть пионер, а лежебока.

Н. Садовый *Рисунки Л. Токмакова*

Авоськин Николай шепнул украдкой другу:
— Андрюша, окажи услугу,
От всей души тебя прошу:
Дай мне тетрадь, примеры я спишу...

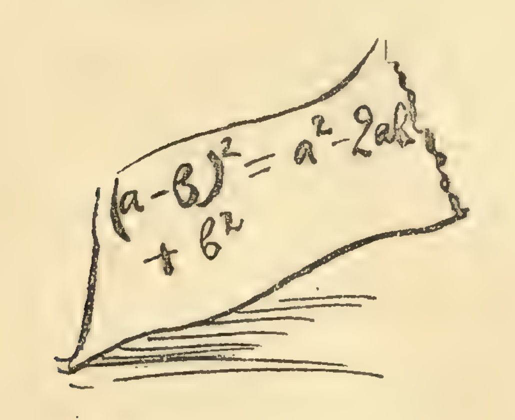
— Что это, Коля, за манера?
То просишь ты решение примера,
То позабыл все падежи
И умоляешь: «подскажи».
Нет у тебя стыда нисколько!

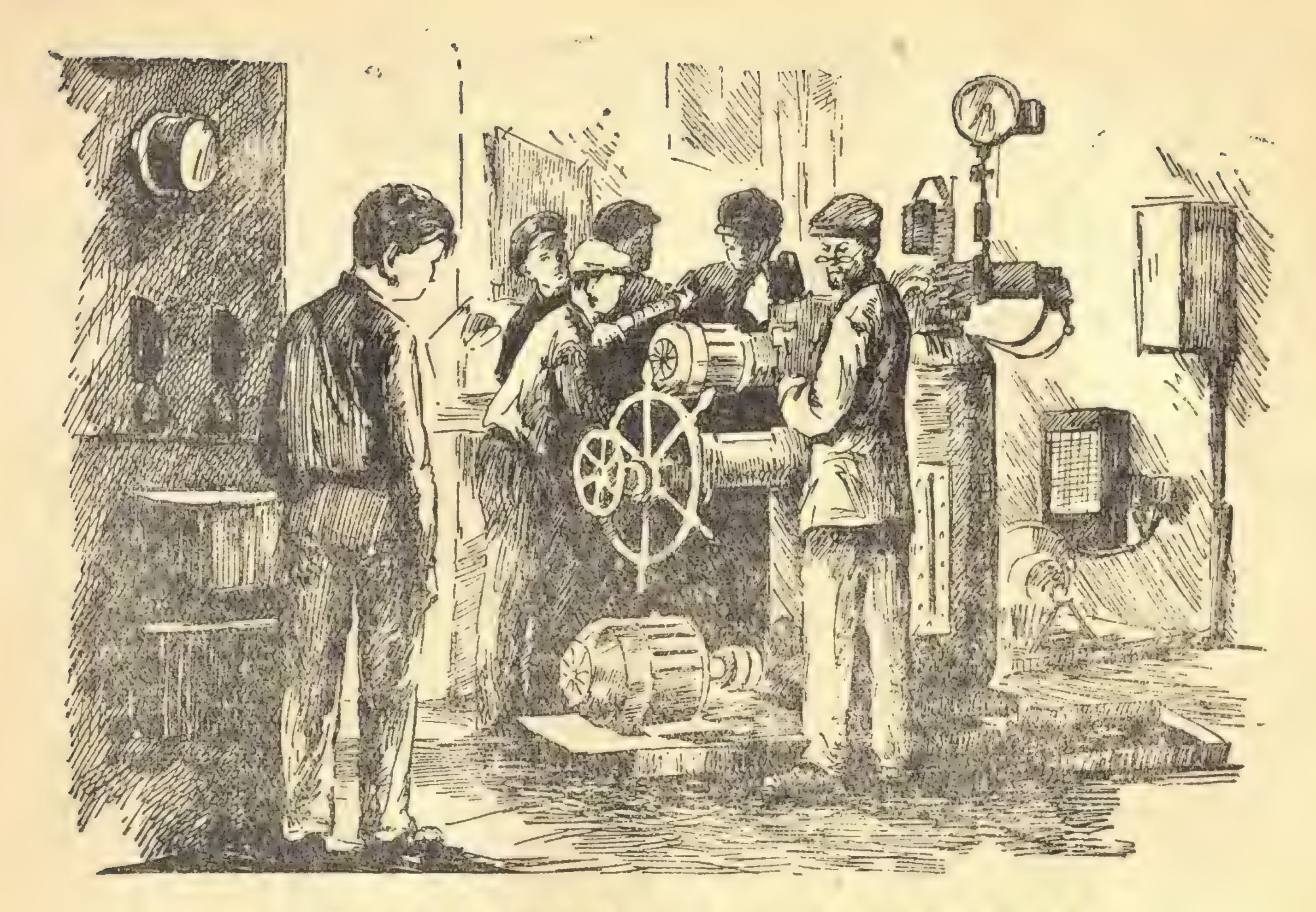
— Стыд есть, да я забывчив только:
Что на дом задано, не вспомню, хоть убей,
Я обещал тебе, Андрей,
И повторяю снова:
Впредь не спишу ни цифры, ни полслова,
А нынче дай... Прошу от всей души...

— Ну что же, если так — бери, пиши.

* * *

Коль приглядеться, в каждой школе
Найдёшь лентяев вроде Коли.
Все их стыдят, о них тревогу бьют...
А всё же списывать дают!

КУСОЧЕК стружки

Б. Рябинин *Рисунки М. Сапожникова*

1

И подумать только, какая неприятность случилась сегодня у нас в отделении: собрали новый регулятор, а он — нейдёт! Нейдёт, хоть ты убейся!

Пришёл начальник цеха, главный инженер, собрались испытатели, контролёры. Пробовали и так, и сяк. Ничего не получается! Вначале вроде заработает; только подумаешь, ну вот, всё в порядке, а он, как на зло, тотчас же стоп! — и затих.

Мне особенно неприятно это происшествие: ведь собирала-то регулятор наша бригада. Могут подумать, что мы виноваты. Скажут: известно — молодо-зелено, чего от них ждать!

Григорий Евстигнеевич Оберюхтин и то уж укорил меня. Походил вокруг машины, оглядел её со всех сторон, будто впервые увидел, а потом покосился через очки, головой покачал:

— Эх, Павел!..

Меня даже злость взяла.

— Что Павел? что Павел? — говорю.— Не один ведь я, есть и другие. Почему с меня одного спрашиваете?

А он мне:

— Да я не спрашиваю, а вообще. Что ты петушишься? — А после помолчал и добавил: — А раз сработали плохо, значит, все в ответе. И ты, выходит, в том числе...

— А откуда известно, что мы сработали плохо? Кто сказал?

— Машина сказывает.

— А может, детали подвели?

— Бракованные детали контроль бы не принял.

— Ну да! А помните, как раз было!

— Раз было — больше не будет.

У него всегда так. Ты ему одно, а он тебе — другое. Упрямый старик. Никогда с тобой не согласится, обязательно наперекор. И так умеет всегда разговор повернуть, точно ты и в самом деле провинился в чём-нибудь. Непременно кольнёт.

Григорию Евстигнеевичу скоро будет семьдесят лет, из них пятьдесят он проработал на производстве. Старику давно предлагали выйти на пенсию, а он не хочет. «Не могу,— говорит,— жить без верстака. Во сне будет каждую ночь сниться!»

Ходит он тихонечко, воды не разольёт, говорит медленно, с расстановкой. Наше начальство его очень уважает. Самую тонкую работу — всегда ему. Ничего не поделаешь: восьмой разряд!

Сколько он ребят переучил, и не сосчитаешь! Петька Брусницын у него учился,— теперь слесарь шестого разряда.

Андрюшка Голдобин — тоже у него, работает по пятому. Димка Трюфелев стал бригадиром сборщиков, на Волго-Дон ездил, на монтаж гидромашин; Семен Кривцов — мастер. Володю Митракова недавно наградили орденом... Все его бывшие ученики.

Учитель он знающий, это все признают. Только учеником у него быть нелегко. Требовательный, всё ему не так!

Мне на днях говорит:

— Ты,— говорит,— парень не плохой, только скор больно. Любишь всё быстренько да легонько, а в нашем деле обстоятельность требуется.

«Быстренько да легонько»...— вот уж тоже сказал!

Он всё время придирается ко мне. То, видите ли, я инструмент не так положил, то рабочее место плохо прибрал, за чистотой не слежу... И когда только успевает всё заметить?! А ещё на глаза жалуется, говорит, что зрение слабнуть стало, без очков не видит!

Григорий Евстигнеевич всегда очень переживает, когда в цехе что-нибудь не ладится. Сегодня, как услышал про регулятор, тотчас притопал.

А история вышла очень неприятная. Позор для всего отделения.

Главное — если бы хоть в первый раз собирали. А то ведь уж которая машина, счет потеряли! И вдруг — нейдет?! А другие работали, как часы. Как собрали, так хоть сейчас же ставь на электростанцию.

Так вся смена и прошла, ничего не добились.

— Придётся отставить её от партии,— сказал к концу начальник цеха.— До завтра повременим, а там...

Все, как услышали это, сразу головы повесили.

Ведь конец месяца. Не сдадим регулятор — не выполним программу.

Никто и не спрашивал, что «там»? Ясно без слов: перемонтаж.

Хорошо, что другие в полной исправности. Посмотришь на них — даже завидно становится. Все никелированные части их смазаны маслом и обвёрнуты вощёной бумагой, плотники сколотили ящики из свежих досок. Всё подготовлено к отправке.

Осталось только поставить в ящик, погрузить на платформу и ту-ту-у! — поехали.

А наш... Такая обида берёт!

Знать бы, кто тут виноват. Я бы сказал ему, я бы сказал...

2

Но, наверное, не все знают, что такое регулятор?

О, это очень умная и нужная машина, хотя она, конечно, и не такая большая, как шагающий экскаватор, который мы видели в кино.

Не знаю, как её описать. Высотой она в рост человека, шириной в шкаф. Рычажки да трубочки. Включишь — загудит негромко. Шток поползёт; дойдёт до конца — щёлкнет, поползёт обратно...

С турбинами её не сравнишь. Те — красота! На огромных улиток похожи. Я, когда по цеху иду, всякий раз любуюсь на них. Жалко, не довелось повидать, как они работают. Увозят их в разобранном виде. Много мы их отправляем — и на Украину, и на Дальний Восток...

Когда нас выпустили из ремесленного училища и я вместе с другими ребятами попал в отделение регуляторов, сперва расстроился я ужасно. Ну что такое: думали — будем строить турбины, собирать такие сложные и громадные машины, как гидрогенераторы и мощные центробежные и винтовые насосы, какие до нас ещё ни в одной стране никто не делал, а вместо этого — на тебе! — регуляторы.

Я возьми да и скажи об этом Григорию Евстигнеевичу. Ох, и разобиделся старик!

— Много,— говорит,— ты понимаешь. Что-то, я гляжу, не тому вас научили в училище.

— А чему?!

— А уж не знаю, чему. Перво-наперво, рабочий человек какое ни на есть дело, а беспременно любить его должен. Второе, к себе надо строгость иметь. Без этого никакого мастерства не будет. А третье, понимать, что к чему. Ты думаешь: электрификация, так это только лампочка?

— Я,— говорю,— не о лампочках...

— Всё мне понятно. Я тебя насквозь вижу. Много вашего брата через мои руки прошло. Тебе сразу громкую славу подай. А ты походи, походи так... Ещё поглядим, каков ты есть молодец! Сделай прежде столько всего, сколько другие сделали!

— Да что вы тут делали! — говорю ему.— Утюги да заслонки. Нас прошлым летом на экскурсию возили всем училищем, на Уралмаш. Вот это завод так завод, есть чем гордиться!..

Он от таких слов даже в лице переменился. Одна бровь задёргалась, так на меня посмотрел — я думал, убьёт, честное слово!

— Верно,— говорит,— делали и заслонки, утюги отливали. И нисколько не стыжусь, что этим займовался. Всё для общего блага. К слову сказать, и заслонку тоже надо суметь сделать. А ты рановато судить об этом берёшься. Ума ещё не накопил.

Вот с этого разговора он и стал придираться ко мне. То не так, другое не эдак...

И чего он обижается, не понимаю? Я ведь правду сказал!

Заводик наш, действительно, очень древний, лет двести, не меньше. Демидовы, говорят, его строили. Такие богачи были на Урале. Заводов имели — пропасть! Ну, уж шкуру драли с рабочего человека будь здоров!

Правда, от тех времён остались только два кирпичных корпуса; один сейчас под склад приспособили, в другом — литейный цех. Зайдёшь туда — испугаешься. Стены в два метра толщиной, своды низкие, окошки маленькие. Как в каземате каком-нибудь.

Раньше-то здесь и чугун выплавляли. Говорят, где сейчас столовая, прежде домна была.

А Григорий Евстигнеевич помнит, когда отсюда на лошадях везли по санному пути чушки чугунные, полосовое железо. Руду с рудника тоже доставляли на лошадях. Железной дороги не было.

А как жили: не было ни клуба, ни кино. Когда свадьба, запрягали тройки и ездили прямо через завод... Даже не верится!

После революции завод было прикрыли, потому что уж очень отсталая техника. А в годы Великой Отечественной войны начали выпуск гидротурбин. Всё сразу и переменилось. Приехали специалисты, открылось ремесленное училище.

Сперва выпускали только маленькие гидротурбинки, потом перешли на большие. А когда началось сооружение Волго-Донского судоходного канала имени Ленина, завод получил заказ — построить насосы, да не простые насосы, как у пожарников, а такие, чтобы за несколько часов можно было перекачать целый пруд.

И построили. Когда Волго-Дон пускали, здесь дышать боялись: беспокоились, как будут работать насосы. Машины сложные, полная автоматика, нажал кнопку — и пошло. Таких машин ещё нигде не делали. Ясно, будешь волноваться...

Они там воду в шлюзы накачивают. Из Дона в Карповское и Береславское и другие водохранилища они же воду перегоняют. Целые моря наливают. А по морям пароходы плывут.

Это всё нам Григорий Евстигнеевич рассказывал.

Я тогда ещё в ремесленном учился. А как прислали нас сюда, сразу же решил: буду строить насосы, чтоб весь свет удивлялся, какие у нас машины. А вместо этого меня — на регуляторы...

Я — к начальнику цеха. Говорю: так и так, прошу перевести на другую работу.

— А эта чем не нравится? — спрашивает он меня.— Знаешь: плохой работы не бывает, есть плохие руки!

— Ну да! Скажете!

— А вот и скажу. Сам таким был, как ты.

В ту пору как раз у него в кабинете начальник регуляторного отделения оказался, Евгений Сергеевич Наговицын. Начальник цеха и говорит ему:

— Твои кадры, Евгений Сергеевич. Поговорил бы сам, почему он у тебя работать не хочет. Может, и захочет.

— Пойдём,— говорит мне Наговицын.

Вы его не знаете? О, его у нас все ребята любят. Он молодой, сам учился в ремесленном, а потом кончил институт.

Вот вышли мы с ним из конторы, он впереди идёт, а я за

ним. Пришли в регуляторное отделение, на стенд, где собранные регуляторы испытываются. Он на часы посмотрел, говорит:

— Могу уделить тебе минут двадцать, а больше, извини, не могу, дела ждут. Так что давай сразу будем разговаривать. Чем тебе наше дело не нравится?

— Не ваше дело,— говорю,— не нравится, а моя работа...

Объяснил ему. Он слушает, улыбается. Потом спрашивает:

— Тебя как зовут-то? Павел, кажется? Паша, значит. Так вот, слушай, Паша. Есть у нас в цехе один старый рабочий, ты его, наверное, знаешь: Григорий Евстигнеевич Оберюхтин. Конечно, знаешь! Очень хорошо. Так вот. Ему хоть какое задание дай, он всё выполнит, да так, что посмотреть мило-дорого. Гайку дай — он гайку отшлифует, дай что-нибудь очень сложное — он и сложное смастерит так, что тебе за простое покажется: до того всё ловко сделано. А почему? Потому что трудится с душой, настоящий художник, хоть он и всего слесарь восьмого разряда. А теперь насчёт регулятора.

Подвёл меня поближе к регулятору, спрашивает:

— Видишь?

— Вижу.

— Знаешь, что это такое?

— Знаю,— говорю.

— А вот и не знаешь. Иначе не просился бы на другую работу. А как приводится в действие турбина, тебе известно?

— Известно. Вода падает на лопасти и заставляет вращаться турбину, вращение передаётся на вал генератора, который вырабатывает электрическую энергию...

— Стоп-стоп! Всё верно. Только нужно добавить одно: вода не просто падает на лопасти, её отпускают строго рассчитанными порциями. Надо дать больше — дадут больше, надо меньше — меньше. Ведь не всегда требуется одинаковое количество электроэнергии, зачем же турбинам вращаться вхолостую? И воды в пруду тоже не всегда одинаковое количество. Значит, всё это нужно регулировать. Для этого стоит специальный человек, и он регулирует подачу воды на лопасти турбины. Наш регулятор освобождает его от этой заботы. Слышал ты, что существуют такие электрические станции, на

— Ну да?!

— Что «ну да»? Конечно! Регулятор регулирует работу станции, станция даёт ток, а ток заставляет двигаться электротракторы, приводит в действие насосы, которые гонят воду... Ясно?

— Ясно,— говорю, а сам думаю: «До чего у него всё это здорово получается! На заводе находится, а всё видит!»

Вспомнилось мне, как ещё в училище говорили нам, что труд каждого из нас, как ручеёк, вливается в общий поток, и получается могучая река, которой никому не остановить. Так мы за мир боремся, против войны, чтобы всем жить было хорошо.

И про Оберюхтина вспомнил: старик-то не случайно поминал про электрификацию. Вся наша продукция идёт на энергетические стройки. Только насчёт лампочек он зря. Лампочки мы не делаем.

Одним словом, стал я работать на регуляторах. Всё бы ничего, да очень капризная машина. Чуть что не так сделал,— самую малость! — а она уже реагирует. Но чтобы совсем отказалась служить, ещё не бывало. Вернее, было раз, да это не в счёт. Это когда ещё только осваивали её.

Тоже было тогда мороки. Приехал сам изобретатель, за голову хватался: отчего не действует машина? Пришлось её разобрать. Перемеряли все детали. Бились целый месяц.

А что было? У нескольких деталей оказались допуски в одну сторону, плюсовую, поди-ка, догадайся! Каждая деталь в отдельности сделана точно в соответствии с техническими требованиями, какую ни измерь — всё в порядке, не придерёшься. А когда сложили, получилось лишка. Там полмикрона, да там полмикрона, оно и набежало. Ещё когда собирали, то заметили, что входит плотновато; а когда запустили, она и не пошла. Вот ведь до чего своенравная да чувствительная машина! Вроде нашего Евстигнеевича...

А с Евгением Сергеевичем после того разговора мы подружились. Сколько раз вместе чай пили... не на электростанции, ясно, а у него на квартире. Я у него часто бываю, он мне книги читать даёт. На охоту с ним ходил.

Вот и в этот раз. Как гудок прогудел, я подождал маленько

ко, пока Евгений Сергеевич дела закончит, после пошли вместе из цеха. Вышли из ворот, он спрашивает:

— Ты что сегодня делаешь?

А сам, вижу, задумчивый. Регулятор из ума не выходит.

— Да ничего такого особенного,— говорю,— не собирался делать. К ребятам, наверное, пойду...

— Как отобедаешь да помоешься, приходи ко мне. Возьмём лодку, и айда на ту сторону! Леску с собой захватим, будем у Пихтовой горы окуней ловить... Придёшь?

— Обязательно приду, Евгений Сергеевич!

3

Я ещё не рассказал вам, какая у нас здесь природа. Ох, и хорошая природа, красивая! Не хочешь, да залюбуешься!

Пруд какой... как море! Кругом леса да горы. Особенно живописное место — Пихтовая гора. Она прямо от воды начинается, отвесная, как стена, а на вершине — шихан, утёс каменный, Беркутиным называется. Высоко! Посмотришь кверху — шапка валится!

Я вёслами гребу, а Евгений Сергеевич на руле сидит, то замолчит, на небо, на горы глядит, а, бывает, ляжет плашмя, руки за борт свесит да так и плывёт; то рассказывать примется. Мне ли говорит или сам с собой беседует, другой раз и не поймёшь.

— Хорошо на меня природа действует. Сходишь в лес с ружьём или в лодке прокатишься — усталости как не бывало! Какую угодно трудную задачу решишь... вроде сегодняшней, например! Только эту мы пока ещё не решили... но решим, обязательно решим! Правда, Паша?

— Факт, Евгений Сергеевич!

— «Факт, факт»... А регулятор-то стоит! В Грузии его ждут. Там большая народная стройка идёт. Орошение и гидроузел. Пускать скоро должны. А мы тут зашились...

— А если его разобрать, Евгений Сергеевич?

— Разобрать дело не хитрое. За малым остановка: не знаем, где причина неисправности. Значит, надо разбирать весь, а это уж никуда не годится! Если каждую машину после

которых нет ни одного человека? Построят станцию, запломбируют её, и она работает себе, даёт ток...

— Слышал.

— Так вот: такие станции оборудованы автоматическими регуляторами — машинами, которые без вмешательства человека сами управляют турбинами. Представляешь себе: мы с тобой разговариваем, а машина за нас всё делает. Даже лучше делает, чем мы с тобой сумели бы. Мы сидим и от нечего делать чай пьём...

— Я на работе чай не пью...

— Вот чудак! Да я к примеру!..

— Всё равно, хоть и к примеру... Я в обеденный перерыв в столовую хожу... дак и то там больше кофе дают!..

Евгений Сергеевич посмотрел на меня внимательно, засмеялся.

— Хороший ты, видать, парень, Паша, только одно плохо: шуток не понимаешь...

— Да какая же тут шутка, Евгений Сергеевич! Тут нарушение трудовой дисциплины получается: на работе, и вдруг — чай! А вы — «шутка»!

— Вот я и говорю: не понимаешь шуток. Ну, да ладно. Слушай, не перебивай. И вот, вообрази, испортилось что-нибудь. Скажем, лопнула трубочка, по которой масло подаётся. И что же? Думаешь, авария? Ничего подобного. Сейчас же зажжётся красная лампочка, дежурный техник пойдёт и исправит.

— А если никто не придёт?

— Может случиться и такое дело. Мы с тобой расселись, идти-то не хочется... Тогда машина отключится сама. Тут уж хочешь, не хочешь, а придётся пойти. Видишь, какая замечательная машина!

И верно, замечательная получается.

— И вот представляешь теперь,—продолжал Евгений Сергеевич,— что мы с тобой здесь делаем? А? Газеты ты читаешь, радио слушаешь? Знаешь, где что происходит, какая везде стройка идёт? Там по оросительным каналам вода течёт, там электрический трактор землю пашет... и все это, можно сказать, наш регулятор регулирует!..

сборки разбирать да снова собирать — двойная сборка получается. Надо находить причину неполадки, как доктор лечит больного: выслушает, выстукает и говорит: «У вас сердце не в порядке» или: «Надо вам печень подремонтировать»... А так что же, наугад? Только себя портить. Приучишься каждый раз действовать на авось, потом сам не рад будешь!

Я, когда лодку отвязывал, цепь второпях забыл на корму забросить; она в воде волочится. Евгений Сергеевич это заметил, вытащил её, меня спросил:

— Почему не подобрал?

— Не успел,— говорю,— Евгений Сергеевич.

— Торопыга ты. Спешишь всё. А поспешность-то, знаешь, где нужна?

— Знаю: при ловле блох!

Выпалил, да тут же и покаялся: опять поторопился.

Евгений Сергеевич посмотрел на меня с укоризной:

— Не остроумно, Паша.

— Да ребята так говорят... Это не сам я придумал!..

— Всё равно, хоть и не сам. Не обязательно всё повторять. А вот Григорий Евстигнеевич говорит по-другому: коли хочешь дело испортить — поторопись... Он — мудрый старик, ты слушай, да на ус мотай, что он говорит.

Плывём по пруду, а Евгений Сергеевич опять своё (нипочём не может забыть про регулятор!):

— И в чём причина, никак не пойму! Ведь наверняка какая-нибудь ерунда! А вот застопорило!.. Я помню, когда ещё студентом был, на практике, на одной электростанции занятный случай произошёл. Прислали из-за границы оборудование. Ртутные выпрямители... есть такая электрическая машина, ты знаешь. Фирма известная, качество продукции зарекомендованное. Ну, хорошо. Поставили один выпрямитель— работает. Поставили другой — тоже работает. Поставили третий — не работает. Не работает и всё! Бились, бились... бесполезно! И конструкцию вроде хорошо знаем; и вообще для проверки любой машины существует много способов, чтобы сразу уяснить, в чем неполадки, а тут не подходит ни один. Приехал ихний шеф — монтер. И у него ничего не получается. Что делать? Приходится разбирать. Разобрали... и что бы, ты

думал, оказалось? Отвёртка! Кто-то забыл её под кожухом во время монтажа. И не пошла машина! Отвёртку забыли в машине... Это то же самое, если бы хирург, делая операцию, забыл ножницы в животе у больного!..

Евгений Сергеевич рассказал и смеётся-заливается, очень смешно ему это всё кажется, а я молчу, слово проронить боюсь. Как он про отвёртку-то упомянул, меня будто кто холодной водой окатил. Ваккурат несколько дней назад, когда мы регулятор собирали, у меня отвёртка пропала. Уж я её везде искал, не нашёл. Неужели я, как те иностранные сборщики, её в машине оставил?!

Евгений Сергеевич и совсем развеселился, петь принялся, а мне не до песен. Хоть выскакивай из лодки да беги скорей на завод, отвёртку искать.

До Пихтовой горы доплыли, он лесу размотал, живца насадил, в воду забросил и затих, ждёт, когда клюнет.

Я вёсла сложил, тоже не шумлю.

А вокруг красота удивительная. Тихо-тихо. Гора над нами вздыбилась, пихты, как свечки, стоят; дух этот пихтовый далеко разносится. Пруд не всплеснёт — как зеркало. Завод наш будто в воду погрузился, одни трубы видно, да узкая полоска плотины. А небо над ним огромное и синее-синее.

Время уж к вечеру. Не жарко.

А мне ничего не мило. В голове одно: отвёртка.

Евгений Сергеевич говорит:

— Знаешь, какого я тут однажды сома поймал! Килограммов на десять, если не больше... Думаешь, вру? Чуть он меня самого в воду не утянул!.. Да ты что скучный сделался?

— Ничего не скучный...

— Да я ведь вижу. Что случилось, говори.

— Ничего не случилось, Евгений Сергеевич. Честное комсомольское, ничего не случилось!

А сам думаю: тьфу ты, откусить бы тебе язык, ещё «честное комсомольское» сказал...

А, может, и взаправду ничего не случилось?

Утешаю себя, о другом стараюсь думать, а всё равно ничего не получается. Одолела забота.

Сом сомом, а что-то в этот раз Евгений Сергеевич не поймал и худенького окунишка. Нет клёва. Смотал леску, спрятал под лавочку, сам на вёсла сел.

— Поплывём-ка, брат, дальше. Рыбу можно и на базаре купить!

Ему смешки!

Гребём дальше. Гора эта, Пихтовая, на добрый километр тянется. По вершинкам деревьев ветерок гуляет, а внизу тишина затаилась. Вёсла чуть всплеснут, а гора сейчас же этот звук повторит и усилит. Эхо. Будто кто-то там тоже плещется наверху.

— Года два назад,— принялся вспоминать Евгений Сергеевич,— приезжала в наши места киноэкспедиция, научно-популярную картину снимать. О радиолокации, что ли. Поставили аппараты на том берегу, а сюда стали радиоволны посылать. Радиоволна домчится до Пихтовой горы и вернётся назад. Тоже, как эхо, получается. А специальные приборы всё это регистрируют. Раз сделали — хорошо. Второй раз — тоже как надо. А на третий вышло непредвиденное осложнение. На шихане-то беркут сидел; увидел рыбу в воде — бросился на неё камнем, как раз когда они очередную волну фиксировать стали... И что ты думаешь? Испортил им плёнку. Не то получилось. До того чувствительная аппаратура... Стоп-стоп! Наш регулятор тоже чрезвычайно чувствительная штуковина, обладающая электрическим свойством. И если встретилось препятствие, даже самое ничтожное... Стоп-стоп...

Евгений Сергеевич внезапно осекся и даже вёслами перестал взмахивать, лицо приняло сосредоточенное выражение.

— Что же получается? Ну-ка, давай помогай. Ты ведь тоже изучал электротехнику!.. Стало быть, если встретилось даже самое ничтожное... Ну, конечно! Слушай-ка, давай пересаживайся на вёсла, поплывём обратно. Да греби вовсю! Пойдём на завод. Не возражаешь? Говорил тебе: на свежем воздухе и голова по-другому работает!..

Я занял место на средней скамейке и принялся изо всех сил грести к заводу.

Пристали к плотине. Евгений Сергеевич выскочил первым. Он торопится в завод, и я, хоть ничего не понял, спешу за ним.

Пришли в цех. Регулятор наш попрежнему стоит на стенде, наладчики около него возятся, вторая смена. Толку всё никакого.

Евгений Сергеевич сразу к ним, а я — отвёртку искать.

Пошарил в одном месте, в другом... Вот она! И как я её раньше не мог найти? Не посмотрел, наверное, как следует. В ящике завалилась к самой стенке и лежит.

У меня словно гора с плеч. Так легко сделалось, так хорошо; готов в пляс пуститься от радости!

Но кто же в таком случае виноват?

Смотрю, в цехе появился Григорий Евстигнеевич Оберюхтин; тоже не сидится дома. Глядь — ребята из нашей смены. У всех в печёнках этот самый регулятор, всех тянет в цех.

Евгений Сергеевич спрашивает строго:

— Вы что? Зачем пришли?

— Да вот, Евгений Сергеевич... Встретились с Григорием Евстигнеевичем, а он говорит: «Соображение у меня есть одно, где неисправность искать. Надо,— говорит,— испробовать»... Ну, мы все и пошли с ним...

— Соображение? Какое соображение?

— А вот,— отвечает Григорий Евстигнеевич,— считаю я, что в этом месте надо искать...

И показывает как раз на ту часть машины, которую я собирал.

— Интересно,— говорит Евгений Сергеевич,— а я ведь об этом же самом думал. Как вы к этому пришли, Григорий Евстигнеевич?

— На слух проверку делаю. Не тот разговор у неё. А вы, Евгений Сергеевич?

— А я путём размышлений над законами электротехники. Ну, что ж, очень хорошо, что совпало. Значит, будем приступать.

Кликнул слесарей.

— Начинайте!

А у меня даже дыхание захватило. Как так? Почему непременно с меня начинать? Недоверие получается. Обидно.

Заспорил с ним:

— Евгений Сергеевич! Здесь не надо разбирать! Тут я собирал, ручаюсь, что всё в порядке!

А он в ответ:

— Ты или не ты, а разбирайте здесь. Да ты что надулся? Может, ничего ещё не найдём.

Ну, ладно, думаю, ищите, ищите. Уж, конечно, не найдёте. Придётся вам, как тогда, весь регулятор распотрошить.

Стали разбирать. Все замолчали.

Отняли одну часть, другую... И в правду ничего нет, полный порядок. Не первый регулятор ведь собираем, научились уж.

И вдруг один из слесарей говорит:

— Вот она!..

— Кто?!

— Стружка!

И подаёт маленький-премаленький кусочек железной стружки. В машине лежал. Это там-то, где не должно быть ни пылинки!

Ох, что тут поднялось!

— Твоя работа? — спрашивает Григорий Евстигнеевич. Сам стружку мне тычет под нос.— У меня как сердце чувствовало! Почти уверен был, что Пашка, подлец, виноват! Вечно спешит. Вот и наспешил!

А я от стыда готов на месте провалиться.

Как же так, думаю, это могло получиться? Выходит, и в самом деле я один всему виновник? Ведь сутки регулятор не сходит со стенда. Сколько у людей времени зря пропало. Программу чуть не сорвали. Шутка: на целый регулятор недовыполнить! И в Грузии его ждут.

А ещё грозился мысленно: знать бы, кто виноват, сказал бы ему крепкое слово... Вот теперь и скажи... сам себе!

На Евгения Сергеевича и Григория Евстигнеевича глаза не могу поднять. А больше всего товарищей совестно. Подвёл всю бригаду.

Ну — признал вину. Куда денешься? Раз я, значит, я. «Пусть,— говорю,— товарищи меня судят Снисхождения не прошу».

А они и рады стараться. Почти вся бригада в сборе. Вроде

собрания получилось. Тем же часом принялись меня прорабатывать.

Кричат:

— Дать Павлу Епимахову взыскание!

— Отстранить от сборки!

А Димка Трюфелев (он как бригадиром сборщиков стал, такой сознательный сделался, как будто и не он вовсе) заявил:

— Ты,— говорит,— нам строить коммунизм мешаешь!

Вот ведь куда загнул. Забыл, как самого тоже однажды прорабатывали на комсомольском собрании за недисциплинированность.

На всю жизнь запомнил я эту стружку.

До того они меня критиковали, что Григорий Евстигнеевич даже заступился.

— Вы, ребята, уж очень того... Полегче маленько... Со всяким может случиться!..

Хороший он. Понимает, что человек может переживать.

Буду учиться у него, работать над собой.

ЧАСЫ

Лев Сорокин

Рисунки Е. Гилёвой

Утром в школу
ухожу —
На часы всегда гляжу.

Я иду во двор гулять —
На часы смотрю опять.

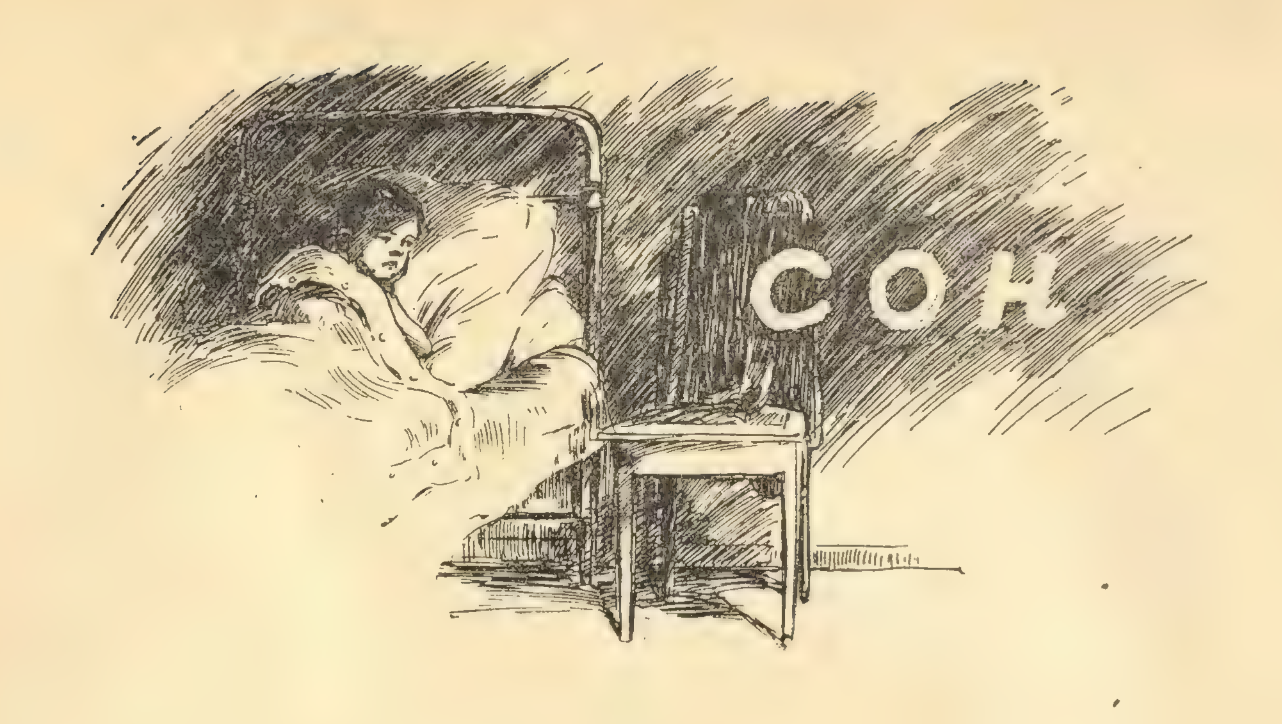
Спать ложусь —
они не спят.
Мне вставать —
они звенят.
Ни минуты не стоят,
Всё стучат,
Стучат,
Стучат.

До звонка вхожу я в класс.
Хороши часы у нас.

Папа их проверил сам
По кремлёвским по часам.

Знают все:
　　　　　живёт Земля
По большим часам Кремля.

Лев Сорокин *Рисунки Е. Гилёвой*

Не приходит к Вове сон,
Заблудился, может, он?

Перепутал номер дома?
Только сну пути знакомы:
Вова здесь уже живёт —
В новом доме — целый год.
В доме тихо и темно,
В доме спят давным-давно.
Даже маленькая кошка
Спит, свернувшись, у окошка.

Даже кран на кухне спит,
И во сне чуть-чуть храпит.
Папа спит и мама спит,
Вова лишь без сна лежит.

Где же, где же бродит сон?
Может быть, прогульщик он?

Ведь и я не так давно
Вместо школы был в кино.
Стыдно даже и сейчас,
Так ругал меня весь класс.

Вдруг тихонько скрипнул пол,
Словно кто-то в дом вошёл.
Вова сладко вдруг зевнул
И заснул.

Трудная минута

В. Шустов

Рисунки В. Челинцевой

1

Гречишные поля кончились. Тропинка вывела Васю на обрывистый бережок Крутишки. Тёмная бархатистая пыль приятно щекотала пятки, поднималась лёгкими, быстро оседающими столбиками. Вася бережно сжимал в потной ладони небольшой бумажный свёрток. «Ох, и обрадуется же Кузя!» У Васи на душе стало вдруг так радостно, что он, лихо под-

дёрнув чёрные закатанные до колен штаны, громко запел песню, недавно им самим сочинённую:

Мы вдвоём с товарищем
Сквозь бои, пожарища,
Сквозь любые трудности пройдём.
Мы совсем не падкие,
На дороги гладкие...

Показался дом Трофимовых. Стоял он среди густых тополей. В зелени листьев ярко выделялась красная железная крыша и красивые резные наличники окон. Как ни старался Вася идти шагом — ничего не получалось: он перемахнул через огородный плетень, перебежал, вернее, перелетел широкую травянистую поляну и, прежде чем открыть калитку, заглянул в щель забора.

Кузя Трофимов сидел на самодельной скамеечке у крыльца и от нечего делать следил за двумя взъерошенными воробьями, нивесть из-за чего затеявшими драку.

Незаметно проскользнув во двор, Вася подкрался к самой скамейке, прислонился плечом к бревенчатой стене дома и сощурил весёлые карие глаза, которые так и искрились под густыми, сросшимися у переносицы, чёрными бровями.

Воробьи внезапно прекратили драку. Прочирикав что-то, они мирно уселись на кучу навоза, что возвышалась у хлева, и трудолюбиво закопошились, разыскивая зёрна.

Кузя вздохнул, с видимым сожалением поднялся и, пригладив ладонью выгоревший на солнце белокурый вихор, который вопреки воле хозяина торчал задорной завитушкой, направился было к дверям.

— Кузя! — окликнул Вася.

Кузя вздрогнул. Остановился. Сдерживая себя, он медленно повернулся к товарищу. Светлые глаза его смотрели с деланным равнодушием.

— Кузя! — торопливо заговорил Вася,— смотри-ка, что я сегодня в городе купил. Два десятка!

Он торжественно развернул пакетик и высыпал на ладонь рыболовные крючки — «муховки».

— Знаешь! Все магазины обегал! Вот...

Но, взглянув на Кузю, Вася осекся: лицо товарища было хмурым и недовольным.

— Ты что?..— одна бровь у Васи вопросительно поднялась.

— Прибыл, значит? — перебил его Кузя, и в голосе его явно слышалась ирония, даже обида.— В городе, значит, был?

— И что ты, Кузя, обижаешься? — удивился Вася.— В город я с отцом ездил на эмтеесовской машине. А от эмтееса до вас, сам знаешь, полтора километра. Я бы не успел добежать.

— Ну, вот, «не успел добежать»,— не сдавался Кузя.— Настоящие друзья всегда и везде успевают. А ты... А ты, вот не успел,— добавил он уже более мягко.

Скоро они уже сидели рядышком на скамейке и старательно готовили рыболовные снасти к предстоящей рыбалке у Зелёного плёса. Когда удочки были готовы, ребята зашли в дом, выпили по кружке молока с пахучим ржаным хлебом и отправились на колхозный стадион. Кузя издали заметил на лужайке за футбольными воротами группу ребят.

Друзья подошли к ним. Ребята сидели кружком и внимательно слушали Лёню Колычева. Лёня поводил узкими плечами, которые ходили под сиреневой майкой, как крылья у неоперившегося птенца, встряхивал задорным рыжим чубиком и, размахивая непомерно длинными руками, рассказывал о Чёрном боре — местечке, находившемся недалеко от деревни.

— Вот, значит, потух костёр,— рассказывал он,— и темно стало. Только угли чуть светятся. Над головами у нас и звёзд даже не видно. Сами знаете, что в Чёрном бору и днём темень. А тут — ночь. Устроили мы постель из сосновых лап и спать. Вдруг кто-то как заухал, а потом как заплачет! Брат с отцом, конечно, вскочили... Один я не испугался. А у брата аж волосы так дыбом и поднялись...

— Ну, уж и поднялись,— усмехнулся Вася.— Брат твой на войне три ордена заслужил, а филина испугался. И потом, как ты, Лёнька, в темноте волосы у брата увидел? Хвастаешь ты.

Кто-то из ребят, поддерживая Васю, хихикнул.

Колычев не на шутку рассердился. Вскочив, он выпятил колесом грудь и запальчиво сказал:

— А ты, карась, только смеяться и можешь. Посмотрел бы я на тебя ночью в Чёрном бору. Небось, сразу бы из карася в зайчика превратился.

— Забудь о карасе,— вступился за друга Кузя,— сколько раз я тебе говорил, чтоб без прозвищ.

— Пусть первый не лезет. Сам трус и других трусами считает.

— Трус? — вскипел Кузя, обижаясь за друга.— А хочешь мы с Васильком в твой этот Чёрный бор сейчас пойдём? Хочешь!?

— Прогуляйтесь! С удовольствием посмотрим на ваше геройство. Только ведь вы тоже не дураки. Знаем, отсидитесь где-нибудь — и назад,— засмеялся Лёнька.

— Не беспокойся. Будем без обмана. Давай твой перочинник. По нему и узнаешь.

— Как это узнаю?

— Мы его в поваленную ель у гнилого оврага воткнём. Утром завтра проверишь.

— У оврага? — Лёня даже поёжился: гнилой овраг ребята считали самым страшным местом.— Ладно, берите перочинник!

Кузя взял нож, решительным взглядом окинул притихших ребят и кивнул другу:

— Пошли, Вася.

— А стоит ли туда итти? — спросил Вася.— Зря ноги мозолить только.

— Ага! Один уже струсил,— обрадовался Лёня.— Я говорил...

— Ну, что ты говорил? — возразил Вася.— Думаешь, что из-за пустого бахвальства я в Чёрный бор потащусь? Была нужда.

— Так, значит, не пойдёшь? — Кузя прищурил глаза, от чего веснушчатое лицо его с курносым носом приняло презрительное выражение.— Значит, не пойдёшь? — переспросил он зловещим шёпотом.

— Нет! — твёрдо отчеканил Вася.— Нет, Кузя, не пойду.

— Тогда я один пойду...

Кузя не договорил. Он круто повернулся и двинулся со стадиона прямо к околице.

Всю дорогу до Чёрного бора Кузя думал о Васе. Он негодовал: «Вот тебе и друг! В трудную минуту бросил. «Не пойду!» Это сейчас так, а если бы на войне? Он и в бою струсил бы. Нет, с таким дружбу водить нельзя». За рассуждениями Кузя не заметил, как добрался до Чёрного бора. Было уже темно. Последний луч вечерней зари угас, и сумерки с каждой минутой сгущались всё сильнее. В лесу было тихо и совсем темно. Невидимая хвоя елей и сосен таинственно шелестела над головой, будто о чем-то сговаривалась.

Из тёмного оврага пахнуло сыростью и прелью. На дне, внизу, чуть слышно журчал ручеёк. Сдерживая дрожь, Кузя

пробрался через густые заросли малинника к поваленному бурей дереву. Раздвинув колючие ветви, он размахнулся и воткнул нож. Громко скрипнула ель. По спине пробежали мурашки. Преодолевая страх, Кузя постоял немного, а затем торопливо, почти бегом, бросился обратно.

2

Деревня проснулась. В утренней звонкой тишине слышались голоса, скрип телег на дальнем тракте, гудки машин. Протяжно мычали коровы. Петухи начали свою обычную утреннюю перекличку. От Крутишки на всём её протяжении поднимался молочный туман: пригревало. Вася с пучком удилищ шагал полевою тропой. Мокрые от росы ноги покрылись пылью, будто оделись в удобные и мягкие замшевые сапожки.

Вчерашней ссоре с Кузей Вася не придавал большого значения. Ведь должен Кузя понять, что Лёнька просто подсмеивался над ними, подначивал. Подойдя к знакомой калитке, Вася постучал в неё кулаком:

— Кузя! Кузя-а-а-а!!! Рыбалку проспишь!

— Кто там? — послышался со двора голос Лёни.

— Я это, Лёнька, буди Кузю — клёв прозеваем!

— А-а, «заяц» пожаловал. Ну, ну... Только мы с Кузей трусов не любим. Проваливай откуда пришёл. Шагай и не оглядывайся!

— Что-о-о?! — У Васи сжались кулаки.— А ну, выйди сюда!

— Мне и здесь хорошо! — поспешно ответил Лёнька, покрепче задвигая засов у калитки.— А ты проваливай. На, забирай! Не нужны они нам...

В траву шлёпнулся бумажный свёрток. Он развернулся. «Муховки» рассыпались. Вася чуть не заплакал от горькой обиды. Низко опустив голову, он побрёл к речке, уселся под развесистым кустом ивняка и задумался. Не до рыбалки, конечно, когда на душе скребут кошки, когда друг, твой лучший друг, не понял тебя. Не понял тебя, отвернулся и даже оскорбил. «Ладно. Посмотрим»,— решил Вася.

3

Лето промелькнуло незаметно. Пожелтели листья на кудрявых берёзах. Лужайки стали золотистыми, а небо синим-синим и прозрачным, как стекло. Хлеба с полей уже убрали, и всюду, куда ни глянешь, ёжиком топорщилась колючая стерня.

От МТС по знакомой тропинке Вася шагал в школу. Новый чёрный костюм, жёлтые ботинки, до блеска начищенные ваксой, белая рубашка с отложным воротником и яркий, только что выглаженный пионерский галстук — всё было праздничным и нарядным. Но лицо... лицо у Васи было хмурым и задумчивым.

Вася думал: «Сядем сейчас опять с Кузей за одну парту и поговорим».

Но Кузя сел с Лёней. На друга он и не посмотрел.

Валентина Петровна удивилась:

— Трофимов,— спросила она,— ты почему это нынче с Колычевым сел? А Семёнов?

— Мне здесь удобнее, Валентина Петровна,— ответил Кузя и даже не смутился.

А Лёнька Колычев в перемену пустил по всему классу записки, в которых объявлялось, что с этого дня «Карась» именуется «Зайцем». И в скобках стояло: «бросил товарища в трудную минуту».

Вася молча переносил насмешки. Поэтому они вскоре и прекратились. Нашлись у Васи другие друзья, но о Кузе он никак не мог забыть. Да и можно ли забыть старую дружбу?

Однажды в конце сентября Кузя не пришёл в школу. Он не появился и на другой день. Вася забеспокоился.

— Ты не знаешь, почему Трофимов в школу не ходит? — спросил он у Лёни.

— Ножки промочил твой дружок,— хохотнул Лёня.— И воробьям осень насморк приносит. Иди, заяц, помоги другу.

Не стерпел Вася. Окинув презрительным взглядом самодовольную, смеющуюся физиономию Колычева, он размахнулся и влепил в розовую пухлую щёку звонкую оплеуху.

— На, за всё. И вперёд не смейся над чужим горем.

Лёня стал озираться по сторонам, надеясь встретить сочув-

ствие товарищей, но все почему-то избегали смотреть на него. Так и сидел Колычев до конца уроков с пунцовой щекой, молчаливый и подавленный происшедшим.

После уроков Вася направился к Кузе. Лил дождь. От школы, вниз к пруду, бежали мутные потоки. Капли рябили лужи, сбивали последние листья с деревьев. На улице возле сельсовета Вася столкнулся с Кузиной бабушкой. Она обрадовалась ему, как родному.

— Васенька, к нам, поди, идёшь? Привязался к Кузе недуг. Врача звать хочу. Ты, Васенька, в дом-то не заходи: не знаю, что у Кузи-то. Может, серьёзное что.

Долго смотрел Вася на друга в окно с улицы. Поговорить не удалось: Кузя лежал в кровати бледный, осунувшийся. Возвратилась из больницы бабушка.

— Беда, Васенька. Врача-то в город вызвали. Завтра только обратно будет. И отца с матерью, как на грех, дома нет...

Вася призадумался. «Как быть?» Спрыгнув с завалины, он перебежал дорогу и громко забарабанил по стеклу Лёнькиного дома.

— Эй, есть кто?

Распахнулась форточка. Выглянул перепуганный Лёня.

— Ты что барабанишь в форточку?

— Собирайся. Идём в Астахово. Кузе врача вызвать надо.

— Смеёшься? — вытаращил глаза Колычев. — На ночь

глядя в такой дождик до Астахова? А Чёрный бор? Ищи дураков! — и он захлопнул форточку перед самым носом у Васи.

И Вася пошёл один. Подогнул повыше брюки, половчее пристроил сумку с книгами и зашагал. А дождик припустил ещё сильнее. Сумерки заметно сгустились. В Чёрном бору разыгралась настоящая буря. Хлестал дождь. Скрипели деревья. Но Вася шагал себе да шагал вперёд по скользкой от грязи дороге.

Астаховский врач очень удивился, когда увидел перед собой промокшего до нитки, забрызганного грязью паренька.

— Что же это вы, молодой человек, в такой дождь налегке бегаете? — сурово и осуждающе спросил он, проводя Васю в приёмную.— Ну, выкладывай, зачем пожаловал? Что болит?

— Не у меня болит,— сказал Вася, переступая с ноги на ногу.— Я здоров. Я, доктор, из Светлой сюда пришёл. Друг мой, Кузя Трофимов, захворал. Сильно. Бледный он стал, как из мела выточенный, лежит.

Голос у Васи дрогнул, и самый вид мальчугана, прошедшего в непогоду около десяти километров, говорил о большой беде. И доктор не стал терять времени на расспросы. Он быстро позвонил куда-то по телефону, взял сумку с красным крестом:

— Ну, идём!

Через несколько минут машина «Скорая помощь» уже мчалась по лесной дороге.

Две недели пролежал Кузя в постели, а когда пришёл в школу, первым делом крепко пожал руку Васе.

— Можно, Вася, к тебе пересесть? Ты старое-то забудь. Ладно?

Как-то на уроке литературы зашла речь о героизме.

Лёня Колычев рассказывал о том, как Кузя ходил ночью в Чёрный бор, как потом он хвастался перед ребятами своей смелостью. О Васе Лёня не говорил. Зато о нём сказал Кузя. Рассказал он и о поступке Колычева, который отказался идти в Астахово.

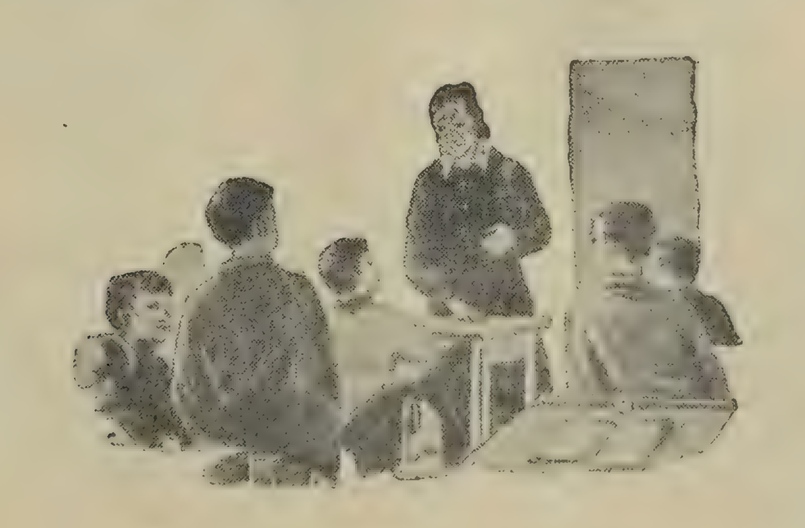
Разговоров было много. Все, конечно, осуждали Колычева за трусость и за то, что нет у него чувства товарищества.

В самом конце урока Кузя Трофимов поднял руку и спросил:

— Скажите, Валентина Петровна, почему, когда я ходил в Чёрный бор, страшно мне было, а вот Вася ходил в Астахово — ему не страшно было?

И учительница ответила очень просто. Она сказала, что страшно было Кузе потому, что не чувствовал он в своём поступке пользы, было это простым бахвальством. Вася же долг выполнял.

А ведь если выполняешь свой долг перед Родиной, народом или товарищем, в сердце никогда не бывает страха.

БАКЛАЖАНЫ

В. Трофимова *Рисунки В. Васильева*

Кружку юннатов пришла посылка с Центральной станции юных натуралистов. В посылке были семена незнакомой ребятам южной культуры — баклажан.

Екатерина Павловна, руководительница кружка, рассказала, какая это ценная и нужная культура. Из баклажанов можно приготовить много вкусных кушаний.

Ребята очень заинтересовались: какие на вид и на вкус плсды, какие цветы, листья?

Больше всех волновались две подруги — Зоя и Нина.

— Не вырастут они у нас,— говорила Нина.— Лето короткое, прохладное, жарких дней мало, а это южная культура, ей нужно много тепла. Я прошлый год пробовала сажать, мне давали несколько семячек — не выросли. Цвели, уж плодики появились, а потом заморозок — ну, и замёрзли все.

— Эх ты, уж и струсила, какой же ты мичуринец, если при первой же неудаче падаешь духом? Помнишь слова Мичурина

«Мы не можем ждать милостей от природы — взять их у неё наша задача»! — горячилась Зоя.

Нина задумалась.

На другой день все в классе уже знали, что Нина собирается выращивать баклажаны.

На очередном занятии кружка ребята начали посадку южных культур: томатов, перца, баклажан.

Нине дали 60 штук баклажанных семян. Она положила их на ладонь левой руки и показала ребятам.

— Вот смотрите, какие они, семена-то. Приехали к нам из далёкого южного края. А мы вырастим свои семена, уральские баклажаны.

Семена на вид были очень похожи на семена томатов, только не плоские, а с чуть вздутыми округлыми боками. Они напоминали крохотные раковинки. На вес были тяжелее, чем семена томатов.

Работа пошла на полный ход. Взяли ящики, насыпали земли, приготовленной ещё с осени, полили её, наклеили этикетки с указанием посеянной культуры.

Положили возле ящиков свои дневники. Сделали в них первые записи.

Нина ровными рядами по шести семечек в каждом засеяла два ящика. Сделала первую запись в своём дневнике.

В дневнике были три графы: одна — дата, вторая — наименование работы, третья — примечание. Нина записала: «2 марта замочила семена баклажан. 4 марта посеяла баклажаны — 60 штук. Полила».

В биологическом кабинете, где занимался кружок юннатов, с этого дня ребята установили дежурство. Дежурный следил за чистотой в комнате, готовил воду для поливки растений. Ребята частенько забегали посмотреть, нет ли всходов. Все знали, что ещё рано, но как-то не хватало терпения.

Через несколько дней начали показываться первые всходы. Бледнозелёные стебельки, изогнувшись петелькой, поднимались над землёй. Ещё через день-два зазеленели первые робкие листочки — семядольки томатов, перца и других культур.

У Нины баклажаны взошли все...

— Ребята, смотрите, смотрите, мои баклажаны на свет вылезли!

Семядольки у баклажан были почти такие же, как у томатов, только чуть-чуть пошире к основанию, с острым длинным кончиком. Нина записала:

«13 марта. Появились первые всходы.

15—16 марта. Баклажаны взошли все.

1 апреля. Развился первый настоящий листок, начинается второй.

10 апреля. С появлением третьего настоящего листка распикировала в торфоперегнойные горшочки.

Поставила их в узкие длинные ящики в 1 ряд по 10 штук. Ящики поместила на подвешенных полочках в окне, между стёклами».

Нина ежедневно повёртывала ящики к солнцу попеременно тем и другим боком, чтобы растения не вытягивались, равномерно освещались и прогревались солнцем.

Ребята внимательно присматривались к новому растению.

Нина часто разрыхляла землю. Росли баклажаны очень хорошо. Нина и все ребята были очень довольны.

Однажды утром Нина забежала в кабинет взглянуть на своих любимцев, да так и ахнула: форточка на ночь была оставлена открытой, и все баклажаны, которые стояли против форточки, повесили листочки.

Нина очень испугалась.

— Форточка... листочки,— только и могла выговорить она.

Прибежали ребята, стали спрашивать Нину, что случилось.

— Вот тебе раз! Ведь в комнате, а не на улице, и то листья опустились, как будто помёрзли. Вот какие они, оказывается, нежные,— чуть не заплакала девочка.

— Да ты подожди прежде времени унывать, может быть, ещё и отойдут. Нужно закрыть форточку. Как солнышко обогреет, видно будет, помёрзли или нет.

Пришла Екатерина Павловна. Она тоже успокаивала Нину.

— Успокойся, ведь мороза не было, только прохладная ночь.

Нина сидела на уроках сама не своя, погибшие баклажаны не выходили из головы.

Звонок. Кончился последний урок. Все бросились в кабинет. В окно ярко светило солнце. Баклажаны стояли, как ни в чём не бывало, стройные, с упругими листьями.

Все радостно вздохнули.

Теперь решили строго следить за тем, чтобы форточка никогда не оставалась на ночь открытой. Мало ли какая ночь может быть!

Ребята перешли на пришкольный участок. Копали, боронили, делали грядки, снова боронили.

Работали хорошо. Зимние теоретические занятия теперь пригодились. Приготовили грядки, занялись посадкой овощей в грунт, поливали.

А вот наступили и тёплые июньские дни. Пора высаживать нежные южные культуры: томаты, перец, баклажаны, арбузы, дыни и другие.

Нина ходила очень озабоченная. Тоненькие брови её были сдвинуты. Шутка ли, самый ответственный момент наступил — высадка в грунт. Как-то ещё приживутся! Тепло, тепло, да как ударит ночью заморозок — вот тебе и конец!

Дала слово вырастить, добиться, чтобы были плоды, снять свои уральские семена, а вдруг... Ой, как страшно!

За несколько дней до высадки в грунт баклажанов Нина на отведённой земле внесла органические удобрения — на один квадратный метр почвы по 1 ведру перепревшего навоза. Хорошо вскопала, заборонила и сделала две грядки, по 6 метров длины и 70 сантиметров ширины. Снова заборонила.

Баклажаны высаживали в один день с томатами.

Перед высадкой в грунт они простояли двое суток в кабинете при открытых окнах, а потом ещё-одни — на участке.

У Нины нашлось много помощников. Всем хотелось вложить долю своего труда в выхаживание «южан». Ведь они самые первые взялись выращивать баклажаны, с них будут потом другие пример брать.

Будут спрашивать, кто же это первый-то начал баклажаны выращивать.

— А это мы, юннаты.

Перед высадкой баклажан Нина сделала лунки в два ряда с расстоянием между рядами в 40 сантиметров, а в ряду между лунками — 30 сантиметров. От края грядки отступила на 20 сантиметров, чтобы при поливке вода не сбегала с грядки. Лунки полила однопроцентным раствором минеральных удобрений — аммиачной селитры и суперфосфата.

Высадив баклажаны, Нина с нетерпением ждала по радио сообщений о погоде. И только услышав, что заморозка не ожидается, засыпала. Утром она бегала на участок взглянуть на своих «неженок».

Участок был защищён от холодных ветров высокой стеной соседнего двора. Стояли тёплые дни. Почва хорошо прогревалась, и баклажаны росли не по дням, а по часам... 15 июня они выбросили цветочную кисть.

«20 июня провела первую подкормку суперфосфатом»,— отметила Нина в дневнике.

21 июня расцвели первые цветы. Ещё накануне вечером сидели нераспустившиеся бутончики. Нельзя угадать, какого они будут цвета: белые, розовые, сиреневые».

И вот расцвели. Розовато-сиреневые, похожие на цветы картофеля, только крупнее их, и не пять, а шесть сросшихся лепестков венчика и шесть сросшихся длинных с острыми зубчиками чашелистиков чашечки цветка. Шесть жёлтых тычинок.

— Девочки, ребята! — кричала Нина,— расцвели баклажаны! Смотрите!

Ребята с любопытством рассматривали первые цветы баклажан, все были рады не меньше Нины.

Участок Нины с баклажанами был маленький — только две грядки. Грядки аккуратные, ровные; ни на грядках, ни в бороздках ни одной соринки, ни одной травинки. Землю она тщательно разрыхлила, не давала осыпаться бокам грядок, хорошо поливала.

Несколько дней красовались первые цветы, затем поблекли, сморщились и отпали. Осталась глубокая зелёная чашечка, величиной и формой похожая на колокольчик. На дне чашечки виднелась завязь плода, словно белая пуговочка.

«2—5 июля появились первые завязи,— писала Нина в своём дневнике.— После поливки провела вторую подкормку калийной солью, чтобы лучше развивались завязи».

Нина наклонялась, заглядывала в чашечку и боялась дышать — вдруг отпадёт.

Ребята тоже часто прибегали посмотреть, как начинает развиваться плод. Они садились вокруг грядки на корточки и подолгу смотрели.

— Тихонько вы, не заденьте! — кричала на них Нина.

День за днём пуговочки росли, увеличивались и чашечки. И тут уж пуговочки стали не пуговочки, а плодики беловато-зелёного цвета во всю длину чашечки.

— Ой, до чего они интересно растут! — воскликнула Нина. — Скоро выскочат из чашечки, уже вровень с краями. Скоро ли?

Нетерпение Нины передавалось ребятам: каждый был занят своим участком, но как-то уж так получалось, что сначала шли помочь Нине полить грядки: воду приходилось носить всё-таки далеко, где же ей одной! А самое главное, хотелось взглянуть, как поживают баклажаны, как они выросли.

И вот 12 июля пришла Нина утром, смотрит и глазам не верит: ещё вчера беленькие завязи баклажан сидели в чашечках, а сегодня уже вылезли из чашечек, один бок уже был синенький.

— Вот тебе на! — удивилась Нина.— Я думала, синие они будут, когда совсем созреют.— Ребята, скорее ко мне! — кричала девочка.— Баклажанчики мои вылезли из своих сарафанчиков. Подумайте только, ещё вчера сидели в чашечках, а сегодня уже вылезли из чашечек и даже синеть начали, вот интересно-то!

— А знаете,— кричал Вова,— нужно измерить сантиметром, на сколько они за одни сутки выросли.

— Правильно!

Измерили, результат Нина записала в дневник. Плод баклажана за одни сутки вырос на пять миллиметров. И так каждый день. Днём было почти незаметно прироста, а за ночь плод очень заметно увеличивался в длину и ширину.

«Ночью они больше вырастают, наверное, для их роста нужна длинная ночь»,— подумала Нина.

Для опыта она накрыла мешком пять кустов и этим искусственно удлинила ночь с 8 часов вечера до 8 часов утра.

И что же?

Баклажаны стали расти значительно быстрей.

«15 июля провела третью подкормку суперфосфатом, чтобы лучше развивались плоды»,— отметила Нина в дневнике.

Нина и все ребята не могли наглядеться на плоды баклажан. Гладкие, теперь они были тёмнофиолетового цвета. Висели на толстых цветоножках и блестели, как лаковые. На каждом растении было по два и даже по три плода, плоды были хорошие, крупные.

Прошло лето. Богатый вырос урожай овощей на участке. Пора его снимать.

Решили устроить школьную выставку.

Весь кабинет перевернули «вверх дном». Сколько пришлось написать этикеток с наименованием культуры, весом, именем того, кто её вырастил!

Нина не знала, как ей быть: снять плоды и положить их на стенд или выкопать куст вместе с плодами?

— Выкопать! Конечно выкопать! — кричали ребята.— Ведь это новое растение, никто его не знает, так пусть все посмотрят, какой весь куст.

Выставка получилась великолепная. Чего-чего только не было: разных сортов томаты, тыквы, дыни, кабачки, огурцы, арбузы.

Цветы, выращенные Зоей, стояли на окнах, тумбочках, украшали всю выставку!

На открытие собралось много народу.

Нина волновалась больше всех. Екатерина Павловна предупредила, что после её вступительного слова Нина будет

рассказывать, как она вырастила новую культуру — баклажаны.

Вот Екатерина Павловна уже рассказала, как дружно ребята работали, как получили хороший урожай всех культур, поздравила их и пожелала успехов в дальнейшей работе.

— А сейчас мы послушаем Нину,— сказала она.

Под дружные аплодисменты Нина подошла к столу. Видно было, как она волновалась.

На столе стоял глиняный горшок с двумя выкопанными кустами баклажанов, баночка с консервами: «Баклажанная икра», баночка с только что взошедшими какими-то листочками. На белой чистой бумаге лежали маленькие круглые семечки и отдельно фиолетовый плод баклажана.

Разложив всё на столе, Нина постояла секунду-две с опущенной головой, потом подняла голову и звонким голосом сказала:

— Полгода тому назад, второго марта, я держала в руке вот такие же семена баклажанов, какие вы видите здесь на бумажке.— Нина показала бумажку с семенами.— Баклажаны — это южное растение, но я решила во что бы то ни стало вырастить их у нас. Вот из такого одного маленького семечка выросло вот какое растение,— Нина взяла в руки горшок с кустом и плодами баклажанов, подняла его, чтобы всем было видно.

— А вот отдельный плод. Он вырос такой же величины, как у себя на родине, на юге. Длина его двадцать сантиметров. Из плодов баклажанов можно очень много приготовить кушаний. Вот одно из них.

Нина взяла банку с консервами «Баклажанная икра». На этикетке банки красовались парочка таких же фиолетовых баклажанов, какие она только что показывала.

Нина поставила баночку с консервами и взяла другую,— ту, в которой были какие-то листики.

— Вот здесь уже всходы из семян, которые я собрала на нашем участке. Это уже будет наше уральское растение, будет расти так же, как и томаты, которых раньше здесь не было. Я твёрдо уверена, пройдёт ещё немного времени, и баклажаны будут расти в каждом огороде нашего города и края.

Своё выступление Нина заключила стихами:

Почётной и смелой работой
Поможем Отчизне своей,
Поможем не словом, а делом,
Чтоб нами гордился народ.
Мичурина славное дело
Мы смело продвинем вперёд...

Как вырос сад

Е. Покровская | *Рисунки Е. Гилёвой*

Всё кругом весною дышит:
Просыпается земля.
Посадила Таня вишню
За селом, у пустыря.
Таня вырастила вишню;
Стало деревцо большим...
Погулять Володя вышел,
Смотрит — вишня перед ним.
Да красавица какая!
Нарядилась в белый цвет.
Даже ветер, пролетая,
Прошептал:
— Красивей нет!
Но цветами осыпаясь,
Шелестит она, качаясь:
— Очень скучно мне одной
Здесь, на пустоши большой!
Не забыл её Володя.
Через год, в весенний день,
Встали, словно в хороводе,
Не в саду, не в огороде,
А на пустоши широкой
Липа, яблоня, сирень.

Зашумят листвою пышной
Саженцы Володины...
Посадила рядом с вишней
Надя куст смородины.
Раз пришла на пустошь Луша,
Посадила Луша грушу.
Луша Лёву привела —
Слива ветки подняла.
Деревца листвой шумят.
Настоящий вышел сад!

НАШ ГОРОД

И. Казанцева *Рисунок В. Воловича*

Екатеринбург — так раньше назывался Свердловск — был основан в XVIII веке при Петре I, в то время, когда Россия стала одним из сильнейших государств в Европе. В 1723 году с сооружения плотины на реке Исети началось строительство нового завода. Вокруг завода стал создаваться сам город. Первоначально он насчитывал 300 домов. Через десять лет количество построек увеличилось в два раза.

В 1725 году на реке Исети была возведена другая плотина и построен Верх-Исетский завод, а рядом с ним разросся посёлок, который потом слился с основной частью города.

г. Екатеринбург в XVIII веке

Для строительства Екатеринбурга из Тобольска, с соседних заводов — Каменского, Уктусского, Алапаевского и из ближайших крестьянских слобод были присланы плотники, столяры, каменщики, кузнецы, слесари и целый полк солдат (более 500 человек). Работать заставляли от зари до зари. Тяжёлый и непосильный труд, плохая одежда и питание вызывали большое недовольство среди работавших.

В конце XIX века Екатеринбург был уже уездным городом и в нём насчитывалось 96 улиц. Они были пыльными и запущенными, освещались керосиновыми фонарями. Благоустраивались только те кварталы, где жили богачи. В их домах процветала роскошь, а в домах рабочих — нужда, бедность и безработица.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла новую жизнь городу. В 1924 году Екатеринбург по просьбе общественности Урала был переименован в Свердловск, стал носить имя верного ленинца, руководителя уральских большевиков — Якова Михайловича Свердлова.

Советский город отличается от капиталистического города своим плановым развитием. Планы строительства и рекон-

Проект реконструкции театра оперы и балета имени Луначарского

струкции наших городов являются составной частью общего народнохозяйственного плана.

В этом году правительством утверждён генеральный проект планировки и застройки Свердловска. Этот план предусматривает первую очередь реконструкции города сроком до 1960 года и ближайшие перспективы его развития на 20—25 лет.

Центр города сейчас застраивается только многоэтажными домами. Находящиеся здесь малоэтажные постройки будут заменены новыми или надстроены.

Посмотрите, сколько новых зданий выросло на центральных улицах! А сколько строится!

Здание Горисполкома на площади имени 1905 года раньше было довольно неприглядным и серым, а после реконструкции оно стало одним из красивых зданий города. Массивные колонны, большие скульптурные фигуры наверху здания и барельефные портреты на фасаде придадут ему красоту и величие. В этом году закончено сооружение высотной части дома — башни, на которой установлены куранты с боем и четыре боль-

шие скульптуры, а верх её венчает рубиновая звезда на 15-метровом шпиле.

Здание Облисполкома будет реконструировано, и на нём тоже поднимется башня.

Находящийся на улице имени Ленина кинотеатр «Совкино» будет надстроен и передан театру музыкальной комедии, а кинотеатр откроется в новом здании.

По генеральному плану Свердловска создаётся новый архитектурный ансамбль вокруг памятника Я. М. Свердлову. Иным будет облик театра оперы и балета имени Луначарского. Высокая колоннада, другие красивые скульптурные фигуры и новая отделка изменят его внешний вид. К театру сделают пристрой, за счет которого увеличатся сценические и артистические помещения, внутри здания переделают фойе.

Проект новых зданий на пересечении улицы имени Малышева и улицы имени Белинского

Напротив театра заканчивается сооружение здания комбината Свердловскуголь, которое займёт целый квартал.

Зеркальная поверхность пруда, расположенного в центре города, занимает большое пространство. Берега одеты в гранит и озеленёны. В летние вечера на набережных, освещённых многочисленными фонарями, гуляет много народу, по воде скользят лодки.

В городской пруд будет поступать только чистая вода. Речка Мельковка, загрязнявшая ранее водоём, уже заключена в трубы.

Расположенные в центре города цехи завода транспортного машиностроения будут вынесены за черту города, а на тер-

ритории, ими занимаемой, раскинется городской парк, засаженный многолетними деревьями и кустарниками, с газонами, цветниками, фонтанами. По протекающей здесь реке Исети, берега которой на большом протяжении благоустроятся и освободятся от старых построек, начнёт ходить речной трамвай.

Для оживления рельефа города предполагается создать несколько высотных 10—12-этажных домов. Высотные дома будут построены на улице 8 Марта, имени Малышева и в Кагановичском районе, на противоположной оконечности улицы Ленина, на площади Коммунаров.

Проект Дворца культуры на площади Народной мести

Так будет выглядеть центр города.

Детство многих пионеров и школьников Свердловска связано с чудесным Дворцом пионеров. Этот красивый особняк — настоящий шедевр русской архитектуры — был построен в начале XIX века. Ещё тогда он поражал своей внутренней отделкой: богатой росписью стен и потолков, дорогой мебелью и ценными картинами. Всё это богатство принадлежало екатеринбургским богатым промышленникам Расторгуеву и Харитонову

Сохранилось немало страшных легенд и преданий, связанных с историей этого дворца. В тёмных и глухих подвалах его находились застенки, где приковывали цепями к стене, пы-

тали и мучили непокорных и провинившихся рабочих с заводов.

Более ста лет стоит этот дворец. Сейчас 70 комнат его оборудованы для детей, и примыкающий к нему старый тенистый парк тоже принадлежит пионерам и школьникам.

Дворец стоит на площади Народной мести. В недалёком будущем здесь вместо здания, в котором находится краеведческий музей, будет выстроен Дворец культуры.

Продолжением сквера, расположенного на этой площади, вниз, к пруду, по улице имени Клары Цеткин, явится широкая зелёная аллея с каскадом лестниц и цветниками.

В новом четырёхэтажном здании, по размерам значительно превосходящем старое, разместится публичная библиотека имени Белинского. Его фасад будет облицован цветной штукатуркой, отделан лепными украшениями. Цокольная часть здания будет покрыта гранитом. Вестибюль, читальные залы, среди которых будет специальный читальный зал для детей, получат красивую отделку из искусственного мрамора и скульптурных портретов. Значительную часть здания займут многоярусные хранилища общей вместимостью в миллион томов.

В начале новой пятилетки мы уже сможем смотреть передачи местного телевизионного центра.

В городе намечается строительство театра на полторы тысячи зрителей.

Любимым местом отдыха свердловчан в летнее время является прилегающий с восточной стороны к городу большой лесопарковый массив около озера Шарташ, с большим сосновым бором и живописными полянами.

Вокруг города и в его районах создаются новые зелёные полосы. Зелёное строительство сочетается со спортивными сооружениями, купальными бассейнами. Создание купальных бассейнов, в которых можно будет купаться в течение всего года, проектируется при спортивных клубах, обществах и банно-прачечных комбинатах.

В летнее время, не выезжая за город, трудящиеся смогут провести свой отдых на свежем воздухе в новых парках, которые будут в Кагановичском и Куйбышевском районах, в Орд-

жоникидзевском — рядом со стадионом «Авангард», в Чкаловском районе — на Уралхиммаше.

Спорт — одно из средств коммунистического воспитания трудящихся. Реконструкция двух стадионов — «Динамо» и «Металлург» — послужит делу дальнейшего развития массо-

Проект реконструкции стадиона «Металлург»

вого физкультурного движения. На сооружение стадиона «Металлург», расположенного почти в центре города, затрачивается более 10 миллионов рублей. Фасады трибун стадиона будут отделаны мрамором, гранитом и цветной штукатуркой. В подтрибунном пространстве с одной стороны будут расположены гимнастический зал, душевые, гардеробные, врачебные кабинеты, комната отдыха спортсменов и буфеты, а с другой стороны — гостиница для спортсменов, столовая, зал для гостей и судей, радиоузел.

На Уктусских горах, где проходят интересные спортивные состязания, построят металлический трамплин, длина прыжка с которого достигнет 60 метров.

В городе откроется новый зоологический сад. Он разме-

стится в Зелёной роще и по размерам превзойдёт существующий в 12 раз. Для обитателей зоопарка создадут специальные водоемы, острова и горки.

Большое внимание в нашей стране уделяется делу воспитания и обучения подрастающего поколения.

В этом году учащиеся получат ещё 4 средние школы. На Уралмаше построят школу рабочей молодёжи и школу ФЗО. Намечается строительство школ в Октябрьском и Сталинском районах и школ рабочей молодёжи и фабрично-заводского обучения в Куйбышевском и Кагановичском районах. Откроются десятки новых детских садов и яслей. В городе сооружается несколько больниц и поликлиник. 200 миллионов рублей в год расходует Свердловск на народное просвещение и здравоохранение.

В городе идёт большое жилищное строительство. Только на улице имени Свердлова сооружается 12 пятиэтажных домов. Шесть из них будут заселены в этом году. Много семей отметят новоселье в удобных благоустроенных квартирах. Первые этажи зданий займут продовольственные и промтоварные магазины, бытовые мастерские, почта, телеграф. В одном из домов откроется двухзальный кинотеатр на 600 зрителей.

Новые жилые дома имеют удобную планировку квартир и приятный внешний вид. Фасады их оформляются долговечной каменной цветной штукатуркой, благодаря которой они длительное время не будут нуждаться в ремонте.

Новые здания, в основном, размещаются на озеленённых благоустроенных участках с удобными заасфальтированными подъездами.

Чтобы осуществить строительство таких больших размеров, нужна передовая техника и специалисты — архитекторы, инженеры, технологи, рабочие-строители.

Вот строится многоэтажный дом. Первые этажи его опоясывают строительные леса. Рокочет двигатель башенного крана. К его стальной стреле прикреплена специальная металлическая рама. Она опустилась почти до земли. Через несколько секунд эта рама с прицепленной к ней железобетонной панелью весом в 2 тонны и площадью 20 квадратных метров поднимается вверх и, покачиваясь над строящимся домом,

опускается на подготовленное для неё место. Так за 4—5 минут с небольшой помощью рабочих готовится перекрытие для целой комнаты, а в течение 4—5 дней, благодаря такой технике, может быть построен двухэтажный 8-квартирный дом.

Для обеспечения хорошего качества и быстрых темпов строительства в Свердловске намечается сооружение заводов и предприятий промышленности строительных материалов и изделий. В этом году вступят в строй три кирпичных завода. Началось строительство кирпичного завода на сто миллионов штук кирпича в год, заводов железобетонных изделий, сухой штукатурки, крупного механизированного карьера бутового камня и других.

Увеличивается сеть трамвайных путей. Заканчивается строительство трамвайной линии по улице имени Луначарского. Через несколько лет трамвайный путь с улиц имени Ленина, имени Толмачёва и имени Свердлова будет снят и пойдёт по улице Челюскинцев — по новому высоководному мосту, который возведут через городской пруд, и по улице Луначарского. А по центральным улицам пойдёт троллейбус. Сейчас в Свердловске на линию ежедневно выходит 175 трамвайных вагонов и 23 троллейбуса. Свердловск с пригородами связывают 14 автобусных маршрутов. Количество автобусов на них за четыре года увеличилось втрое.

Более двух веков существует Свердловск. Всё изменилось у него — и облик и жизнь. Заботой о советском человеке, его удобствах проникнуто наше градостроительство. Для советского человека создаются высотные здания, чудесные дворцы культуры, клубы, санатории, удобные жилые дома.

Растёт и развивается наш Свердловск — город многоотраслевой промышленности, крупнейший центр науки и культуры.

Золотой ключик

Б. Дижур *Рисунки Н. Аксёнова*

— Ну-ка признайтесь, дорогие мои друзья, многие ли из вас равнодушны к конфетам? Я знаю, что встречаются такие ребята. Но не часто! Большинство любят конфеты. Одни предпочитают кислую фруктовую карамель, другие любят «Молочную коровку», третьи — засахаренный мармелад, четвёртые — ирис. Ну, что ж, у каждого свой вкус... Но думали ли вы когда-нибудь о тех людях, которые готовят для вас все эти вкусные вещи?

Недавно мне довелось познакомиться с Марией Кирилловной Простолуповой. Бо́льшую часть своей жизни она проработала на конфетных фабриках. От неё даже пахнет вкусно: не то ванильным шоколадом, не то тёплым, сладким молоком.

Вся она чистенькая, невысокая, с маленькими руками и не по годам блестящими тёмными глазами. Белоснежная косынка и аккуратный белый халат делают её похожей на медицинского работника.

Мария Кирилловна помнит времена, когда конфеты делались по-другому. Не было таких просторных, светлых цехов с большими окнами и вентиляцией. Конфетная фабрика «Миньон», где совсем девочкой начинала свою работу Мария Кирил-

ловна, принадлежала частному хозяину и помещалась в полутёмном, грязном подвале. Огромная плита занимала половину помещения. Обязанностью девочек-конфетниц было принести воду и дрова, затопить печь, заготовить продукты для конфетной массы, наполнить ею котлы, стоящие на плите. А затем, задыхаясь от дыма, копоти и сладких паров, беспрерывно перемешивать конфетное варево, опасаясь того, что оно подгорит или недоварится, слишком загустеет или, наоборот окажется не в меру жидким.

Ни о каких лабораторных исследованиях и речи быть не могло. Пробы брались на вкус, на глазок. У каждого мастера был свой «секрет» определения.

— Нас так учили,— рассказывает Мария Кирилловна,— если, к примеру, ирис варишь и хочешь узнать, готова ли варка, возьми ложкой пробу, брось её в воду и испытай: как затвердела? Ежели хорошо, вываливай варку на мраморную плиту, пусть остывает.

А как узнать, достаточно ли остыла? Думаете, градусником? Как же! Ничего подобного! Возьми кусочек и приложи к лицу. Если не очень жжётся, значит готова, остыла.

Другой раз, знаете, смотреть тошно, лицо всё в саже, в поту, а она возит пробой по своей физиономии, а потом сюда же в общую варку складывает...

Ну и месили, конечно, руками. Бывало ладони горят, руки в суставах ноют. Ночью не знаешь, куда их положить. К тридцати годам ревматизм обязательно каждая конфетчица наживала. Не удивительно! То в холодной воде руки, то в горячей варке. И так по десять, двенадцать часов в сутки.

Мария Кирилловна оглядывает свой цех и, хорошо улыбаясь, добавляет:

— Совсем по-иному теперь работаем.

Очень интересно пройти по всей конфетной фабрике и посмотреть, как варится сироп для фруктовой карамели, как на особых машинах взбивается, а затем вытягивается конфетная масса, как она механически разрезается на отдельные конфетки, как эти конфетки охлаждаются струёй холодного воздуха и с помощью машины одеваются в нарядную бумажную обёртку.

Ещё интереснее в цехе, где изготовляются шоколадные конфеты. Целый шоколадный ручей льётся по жёлобу машины, и в этом ручье плавают и уносятся шоколадным потоком будущие «Ромашки», «Васильки», «Антракт», «Весна», «Счастливое детство» и многие другие.

Но каждый, кто бывал на конфетной фабрике и наблюдал работу её цехов, согласится со мной: интереснее всего посмотреть, как готовится ирис «Золотой ключик».

Цех невелик, здесь работают всего две бригады по три человека. Одной из этих бригад командует Мария Кирилловна.

Лёгкая, быстрая, она ходит около своих машин и зорко следит за их работой. В больших медных аппаратах, которые называются вакуумами, кипит молочный сироп. Он приготовлен из сгущённого молока, ванилина, сахара, сливочного масла и патоки. Не надо стоять около него и перемешивать вар-

ку, как в прежнее время. Внутри аппарата имеется автоматическая мешалка. Она беспрерывно вращается. Но вот варка закончена. Сладкая ароматная масса выливается из чаши вакуума на холодный стол. Стол этот устроен совсем по-особенному: под его металлической крышкой циркулирует по трубам холодная вода, а над столом особое приспособление, по которому поступает холодный воздух. Не надо конфетницам пробовать температуру варки, прикладывая её к лицу. Достаточно следить за термометром и, когда он покажет 55°,— густую, как резина, присную массу закладывают в машину, которая начнёт уминать и вытягивать всю эту массу в длинный толстый жгут.

Точно огромная живая змея шоколадного цвета, извиваясь, ползёт этот жгут дальше между вальцами следующей машины и, вытягиваясь всё тоньше и тоньше, покрывается поперечным узором.

Но вот, наконец, путь змейки окончен. И вот уже острые ножи следующей машины разрезают её на сотни быстро бегущих отдельных ирисок. И тут же их схватывает колесо обёрточной машины. Минута — и шестьсот ирисок одеты в прозрачное бумажное платье с нарядным рисунком и пышными оборочками по краям. Готовые «Золотые ключики» попадают на трясун, где они охлаждаются. Весело шелестят скачущие на трясуне конфеты. Сверху их обдувает рвущийся из трубы холодный воздух. Путь закончен. Ирис сложат в ящики и отправят на склад, а оттуда в магазины.

«Золотой ключик» — любимые ребячьи конфеты. Полторы тысячи килограммов в сутки выпускает их Свердловская конфетная фабрика.

— Если сравнишь с прежним ручным производством, то, конечно, это не мало,— говорит Мария Кирилловна,— ведь вручную мы делали в десять раз меньше! Но разве с этим надо сравнивать? Надо сравнивать с тем, сколько требуется народу! А тут, скажем прямо, мы еще не справляемся!

Свердловская фабрика выпускает восемьдесят пять сортов конфет. Тут и «Ласточка» и «Чио-Чио-сан», и «Южная ночь», и фруктовые смеси, и «Мишки», и «Мичуринские», и многие другие.

В просторных цехах фабрики работают молодые девушки, опытные мастера, пожилые конфетчицы. Все они, как и Мария Кирилловна, знают своё дело, любят машины, облегчающие их труд, и помнят о том, что народ ждёт от них ещё лучших конфет, ещё в больших количествах.

В. Батманов

Случалось ли вам, ребята, испытать то особое чувство новизны, когда, бродя по окрестностям, неожиданно наткнёшься на место, ещё не обследованное. Незнакомым кажется всё кругом и... несколько таинственным. Бывает: лес, речка, поля похожи на другие — хорошо знакомые. И всё-таки... всё новое.

Куда ведёт дорожка в лесу? Что таится за болотом? Нет ли чего интересного на островке среди речки? Знать окрестности, как свои пять пальцев,— первая задача натуралиста.

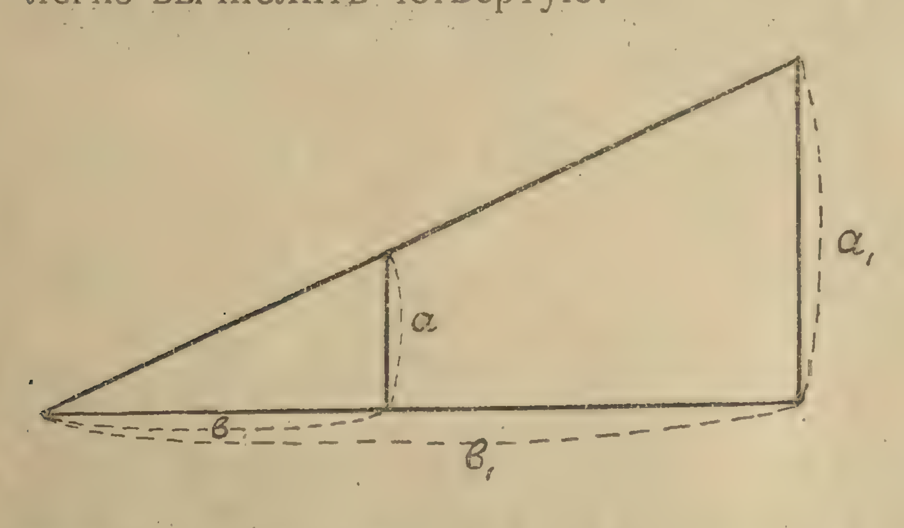
Дорогие друзья, юные натуралисты!

Кто из вас не мечтает о новых походах? Кто, ещё зимой, не готовится к ним, просматривая карты, учась пользоваться компасом? Карта, компас, часы — верные помощники натуралиста. Но нет такой карты, на которой было бы нанесено всё, что встретится в дороге; не всегда под рукой компас, даже часы.

Не беда! Настоящий натуралист должен уметь обходиться и без них. Для этого нужно развивать наблюдательность, учиться использовать всякую мелочь.

* * *

Далеко ли до дерева, широко ли болото, сколько километров до деревни, виднеющейся вдали,— такие вопросы возникают в походе нередко. Измерить расстояние можно, не сходя с места. Для этого есть разные способы. Один из них всегда у вас «под рукамп», точнее, сама рука — составная часть этого способа. Знаком ли вам такой чертёж? Если a и a_1 параллельные линии, то $\frac{a_1}{a}=\frac{в_1}{в}$ Зная три из этих величин, очень легко вычислить четвёртую.

Возьмите линейку с делениями. Вытяните руку на всю длину и попробуйте измерить линейкой различные предметы. Получающиеся числа сначала могут показаться необычными: дальний лес окажется всего восьми миллиметров высоты, а длина воробья, сидящего на заборе,— один сантиметр. При удалении от предмета величина его (по линейке) будет уменьшаться, при приближении — увеличиваться.

Подобные измерения и помогут нам. Пускай a_1 обозначает настоящие размеры предмета (дома, дерева, коровы и т. п.), a — длину его по линейке, тогда $в_1$ будет расстояние до предмета, а $в$ — от глаза до конца вытянутой руки, то есть до линейки.

Расстояние $в$ (от глаза до линейки) нужно измерить только один раз и запомнить. Если ваша рука будет ещё расти, то, во всяком случае, не очень быстро: полученное число послужит достаточно долго.

Величину a (кажущиеся размеры предмета на расстоянии вытянутой руки) первое время всегда определяйте по линейке. В дальнейшем, при постоянных упражнениях, глаз натренируется и будет довольно точно определять её в сантиметрах или миллиметрах даже без линейки.

Итак, две величины имеем. Нужна ещё одна: настоящий размер предмета — a_1. Здесь дело сложнее. Однако примерную величину многих, хорошо знакомых предметов представить не трудно. Люди бывают разного роста, но обычно они различаются по высоте не так уж сильно, и если возьмём за величину a средний рост человека, то особенно не ошибёмся. Воробья поймать трудно, но его вы столько раз видели вблизи, что угадать размер его можно легко. Если заинтересовавший вас предмет неизвестен по величине, то всегда рядом найдётся другой, примерные размеры которого знакомы. Вот вам и третья величина. Теперь легко вычислить последнюю — расстояние до предмета — $в_1$.

Вьётся дорожка по лесу; плотно обступили её деревья. И вдруг... лес кончился. С обнажённого крутого склона открылись широкие дали: поля, долина реки. Пользуйтесь случаем — определяйте расстояние до различных предметов; иногда это поможет вам выбрать правильную дорогу.

А то упрётся тропа в болото. Взлетевшая птица, пень на другом берегу укажут ширину болота. Может быть, вначале измерения будут недостаточно точны (определить верно длину или высоту дальнего предмета по линейке нелегко: каждый миллиметр имеет здесь значение). Проверяйте измерения и упражняйтесь — точность придёт со временем.

«Я потерял...» Как досадно слышать такой возглас! Но «нет худа без добра»,— говорит пословица. Потеря даст возможность проверить, насколько хорошо вы запоминаете дорогу.

Вспомните, когда последний раз пользовались вещью, вернитесь к этому месту. Попробуйте отыскать потерю, пройдя вновь свой путь «след в след». Нередко спросите себя: «А куда же я свернул: вправо или влево, с какой стороны обошёл дерево?». Всё это будет говорить о вашей невнимательности во время пути.

В прошлом году, во время одной экскурсии, я потерял карандашик. Возвращаться за ним не стоило, но по привычке, пробежав в памяти свой путь, я мысленно засек вероятное место потери — небольшую полянку с густой травой. Осенью всё-таки нашёл этот маленький огрызок, расколовшийся от сырости. Он лежал там, где я и думал, высокая сухая трава не скрывала его более.

Умение повторить путь «след в след» полезно для натуралиста и во многих других случаях: оно поможет быстро вторично найти редкое, малозаметное растение в густой траве; отыскать гнездо птицы, открытое в прошлый раз, найденный ранее выход каменных пород.

Способность запоминать полностью весь пройденный путь — одно из важнейших качеств опытного натуралиста. Никогда не упускайте случая развить её в себе.

Весёлой гурьбой движется отряд юннатов по лесу. Что-то задержало одних, другие успели уйти далеко вперёд. Дорога раздвоилась. Как быть? Ждать отставших? Не хочется терять время. Лучше укажем товарищам, по какой дороге им нужно пойти.

Способов много: можно положить палку вдоль ответвления дороги, провести стрелу-указатель, сделать заметку на коре сосны (но не глубокую зарубку, вредную для дерева). Беда только, что у этих приёмов есть существенный недостаток: надо заранее условиться о системе обозначений, а это часто забывают сделать. К тому же вы не одни на дороге: может быть, стрелу провёл, палку положил, сделал пометку на коре кто-нибудь другой, посторонний.

Но есть надёжный условный знак, который всегда действует автоматически. Если даже вы задумались, заговорились и не указали отставшим направления, этот знак не забудет сделать отметку за вас и укажет догоняющим, что именно их товарищи направились в эту сторону, а не кто-нибудь посторонний. Догадываетесь? Это — ваш след.

«Но следы людей очень похожи»,— скажете вы. Натуралисту так рассуждать не годится. Обувь каждого даёт много характерных особенностей, да и величина следа различна А натуралист по следам зверей, что много труднее, определяет,

не только кто и куда прошёл, но и как: тащил что-то или шёл свободно, скакал, бежал или передвигался. Неровности края, трещины в следе, уплотнение передней стенки говорят о многом. Один путешественник по Средней Азии рассказывал, что нанятый им в проводники туркмен через несколько дней по следам различал всех 27 верблюдов каравана.

Следопытство — очень интересное занятие для начинающего натуралиста. Тому, кто заинтересуется им, можно порекомендовать книгу профессора А. Н. Формозова «Спутник следопыта».

Но вернёмся к нашим условным знакам. Отправляясь в поход, каждый должен изучить особенности следа других участников экскурсии. Чтобы отставшие легче нашли дорогу, идущие впереди везде, где в этом будет надобность, на видном месте оставляют «следозаписки».

* * *

Бродя по ближайшим окрестностям, заблудиться по-настоящему трудно. Ну, а поблуждать? Это может случиться с каждым, даже с опытным натуралистом.

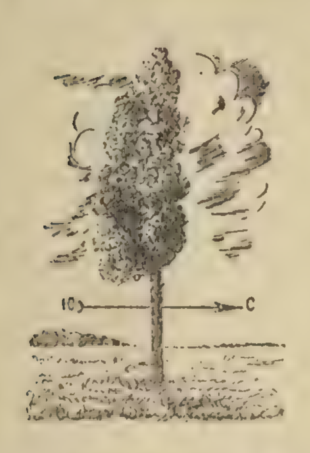
В постоянных походах, экскурсиях по незнакомым местам развивается своего рода новое чувство — «чувство ориентировки». Идёт человек дорогой, и вдруг его начинает «грызть» сомнение: правильно ли выбран путь. Если спросить, чем вызвано беспокойство, он часто не сможет и ответить.

Нередко, например, сигнал для беспокойства даёт ощущение, что по времени вы уже должны были выйти к намеченной цели.

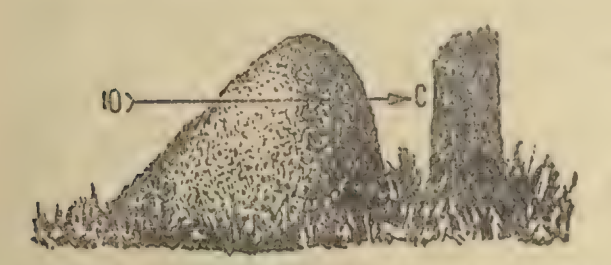
Чувство ориентировки придёт к вам со временем. А пока поговорим, что делать, если всё же заблудимся. Самое лучшее — вернуться по пройденному пути до знакомого места. Ещё раз повторяю: натуралист должен запоминать пройденный путь.

Вспоминается случай с одним исследователем пещер Южного Урала. Дело было давно — лет шестьдесят тому назад. Средств на исследования никто ему не отпускал, и учёный должен был на всём экономить: по пещерам лазил

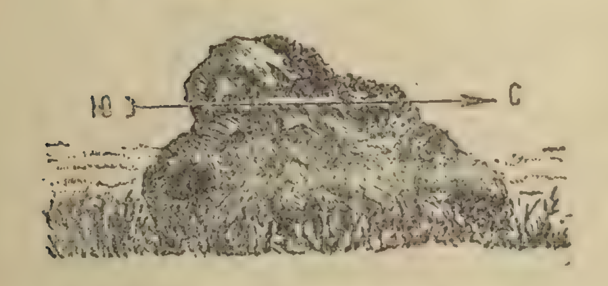
Ориентирование без компаса

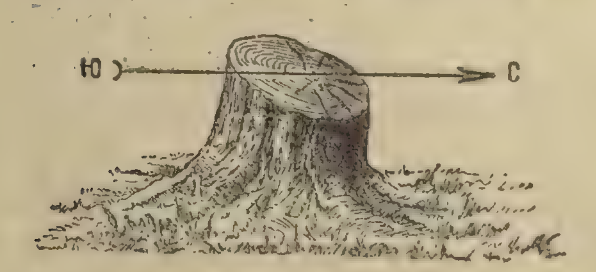
У дерева, растущего на открытой местности, с северной стороны ветви реже, чем с южной.

Южная сторона муравейника более полога, чем северная.

Мох всегда покрывает северную сторону камня, ствола, дерева, пня.

Годовые кольца дерева указывают направление на север.

совсем один. Однажды, уже возвращаясь из очередного осмотра, он заметил в стороне ход, ещё не исследованный им. Запас свечей кончался, но всё же ему захотелось осмотреть новый ход. Ход скоро сузился, пришлось ползти. Ещё несколько десятков метров и... перед глазами изумлённого исследователя открылся огромный зал. Ход, которым полз исследователь, был почти на 1,5 метра выше пола. Спрыгнув, он решил обойти зал, но, сделав несколько шагов, невольно остановился: из-за кучи камней медленно поднималась чёрная голова со сверкающими глазами и... с рогами. Учёный не верил в чертей, но в первую минуту ему стало не по себе. Скоро, однако, голова бессильно упала: за кучей камней оказался старый, издыхающий дикий козёл. Но исследователю было не до него: свеча в его руках вспыхнула и погасла. Он схватился за карман — спичек не было: они где-то выпали. Торопливо стал искать выход из зала, но всюду руки нащупывали плотную стену камня. Смерть от голода и жажды в непроницаемой тьме пещеры представилась ему: кто будет искать его да и кто посмеет спуститься в пещеру, которая у ме-

стного населения считалась обиталищем всякой «нечистой силы»! Но учёный был волевой человек. «Стоп! — сказал он сам себе.— Чем больше буду метаться, тем дальше отойду от выхода». Сев на камень, он стал медленно вспоминать, как передвигался по пещере. И внезапно вспомнил: «Да, ведь я соскочил в зал!» Дрожащими руками стал ощупывать стены на высоте своего роста. И — о, счастье! — выход оказался совсем рядом. Из него висел конец бечёвки, которую исследователь тянул за собой при обходе пещеры. Через полчаса он вышел из пещеры.

Итак, вспомним, как шли, и попробуем вернуться до знакомого места. Нам приходилось уже повторять путь, когда отыскивали потерянные вещи. Затруднения на обратном пути вызываются не «выпадами из памяти» (видели, но забыли), а тем, что многое просто не видели и оно будет казаться новым, незнакомым, возбуждать сомнение: правильно ли идём. Лучший способ проверки — повернуться лицом в направлении «след в след» и убедиться, по тому ли пути возвращаемся, по которому шли вперёд.

Ночной поход — один из самых трудных. Хорошо знакомые места принимают необычные очертания. Видны лишь контуры предметов. Лужи обманчиво сливаются с сухой землёй. На дорожке, днём нам казавшейся ровной, неожиданно оказываются бугры, ямы и пни.

И всё же, пока глаз, хотя и слабо, различает предметы, фонарика лучше не зажигать. Свет ночью слепит: освещая небольшое пространство, он погружает всё остальное в темноту. Как бы ни было слабым естественное освещение, глаз скоро к нему привыкнет, начнёт различать слабые тени предметов, небольшую разницу в окраске травы и обнажённой земли. Видя довольно широкое пространство, вы лучше ориентируетесь. Небольшим, но ярко освещенным кругом искусственного света надо пользоваться только в сомнительных местах.

Но подойдут безлунные ночи поздней осени. Тут ничего не поделаешь: темно, хоть глаз выколи. Хочешь — не хочешь, а зажигай фонарик. Идёшь в кругу света по лесной дорожке, а со всех сторон — тьма, как чёрная стена.

Выручает первый снег; выпадет — и сразу становится легче. Чуть мерцает отблеск от снега в безлунные ночи, но его достаточно, чтобы различить неясные очертания колеи следов.

Но завоет вьюга-метелица, занесёт пурга дорогу, сравняет всё на пути. И сольются перед глазами в один, беловато-тусклый тон снежные поля. Тут смотри в оба. А глазу и зацепиться не за что: «глядеть» приходится ногами. Идёшь и нащупываешь под снегом тропу. Чуть потерял дорогу, не торопись, остановись и найди снова. Сбиться с пути легко, а вновь найти, если отойдешь подальше,— трудно. Целиной же идти — скоро выбьешься из сил, запурхаешься в сугробах.

Сколько не ходи, а домой возвращаться надо. Когда повернуть? Часы есть не у каждого. В интересной экскурсии за сборами, разговорами время бежит незаметно. Разве только загудит гудок и напомнит о нём. Но гудки слышны не везде. Впрочем, с вами всегда ваша тень. Коротка она, делается все меньше — гуляйте спокойно. Но стала тень расти, вытягиваться в 2—3 раза длиннее вас — пора думать о возвращении.

Дома можно попрактиковаться, посмотреть, какой длины бывает тень в разные часы, измерить её своей походной палкой (на палке натуралист насекает деления: дециметры, а по краям и сантиметры). Тогда в походе по длине тени можно узнавать и часы. Меряйте тень всегда на ровном, не наклонном, месте. Учтите также, что длина тени в один и тот же час в течение года меняется: всего сильнее изменяется длина её во время равноденствий.

Успешно путешествовать, дорогие друзья!

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

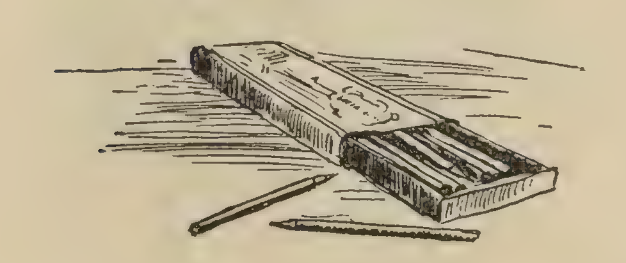

М. Иванов *Рисунки Е. Гилёвой*

Голубой, зелёный, красный —
Хороши карандаши!
Мы их любим не напрасно
Все ребята-малыши.

На бумаге гладкой, белой,
Зачинив карандаши,
Дружно, радостно, умело
Мы рисуем от души!

Голубыми красим небо,
А зелёными — поля!
Самым лучшим — красным цветом —
Звёзды нашего Кремля!

М. Иванов *Рисунки Е. Гилёвой*

Этот зайчик не простой —
Он, как солнце, золотой!
На стене, на половицах,
На высоком потолке.

Зайчик весело резвится,
Если зеркальце в руке,
Если солнечный денёк,
Если выучен урок!

ПРО КОСТЮ

О. Коряков *Рисунки В. Васильева*

Как папа обидел Костю

В это утро Костя проснулся, когда папа с мамой ещё спали. Потому что было воскресенье. В воскресенье папа с мамой всегда спят дольше.

Бабушка помогла Косте одеться и умыться, а сама пошла на кухню готовить завтрак.

Костя повертелся около бабушки, повозился с котом Мурлыкой, походил туда-сюда, потом сел смотреть книжку про девочку Анюту. Мама подарила её ещё в то воскресенье. Костя знал в ней все картинки и смотреть их снова было не очень интересно. Тогда он взял коробку с цветными карандашами и стал раскрашивать книжку.

В дверь заглянул папа:

— Рисуешь?

Костя был очень увлечён своим занятием и поэтому ничего не ответил, только кивнул. Ему захотелось подрисовать кое-что в книжке.

Вот, например, на картинке бегут куда-то ребята. Откуда они бегут и почему?

Костя взял зелёный карандаш и подрисовал сбоку танк. Теперь всё стало понятно: ребята бегут от фашистского танка.

Но постойте-ка! А где же наши храбрые бойцы? Почему они позволяют фашистам обижать советских ребят?

Костя нарисовал несколько солдат с красными звёздочками на шапках. Они шли с винтовками прямо на танк и стреляли. Потом наверху страницы — в небе — появились самолёты. На крыльях у них тоже были красные звёзды. С самолётов на танк летели бомбы. Танк горел — алые языки пламени облизывали его. Клубился густой, чёрный дым...

— Ко-остька!

Это Валя ахнула над Костей. Он оглянулся. Глаза у сестры были круглые и злые.

— Ты что это делаешь?

— Рисую. Не видишь?

— Да я тебе... Да ты...— Валя даже задохнулась. — Сейчас же отдай книжку!

— А она не твоя. Мама подарила её мне.

— А ну, отдай! Я кому говорю?!

Костя схватил книжку и пустился наутёк.

Валя пожаловалась папе. Папа ничего Косте не сказал, только за завтраком был хмурый и не разговаривал. А после завтрака дал Косте большой лист бумаги и сказал:

— Рисуй.

— А что рисовать?

— Что хочешь.

Косте сейчас ничего рисовать не хотелось. Но всё же он стал черкать на бумаге. Получилось что-то вроде дома. Тогда Костя пририсовал трубы, дым, посадил около дома цветы, а в небо пустил облака. Всё это ему понравилось, и он стал рисовать в небе ещё самолеты. Потом нарисовал трамвай и мальчика. Стало совсем хорошо. Костя добавил ещё один дом и подрисовал грузовик и автомобиль «Победу».

— Пап, посмотри, что получилось! Я это — на стенку.

Папа долго и внимательно разглядывал рисунок.

— Хорошо получилось,— похвалил он и попросил: — Дай-ка мне карандаш.

Костя дал карандаш, а тут папа... Как вы думаете, что сделал Костин папа?

Он взял карандаш и стал черкать рисунок. Ну всё, всё испортил!

У Кости вытянулось лицо, губы приоткрылись и задрожали, из глаз выступили слёзы.

Кому это приятно — видеть, как портят то, что ты так любовно, старательно делал!

Костя не выдержал и заревел.

— Что, жалко рисунок? — спросил папа.

Костя заревел ещё сильнее.

— А знаешь, почему я это сделал? — Костя при этих словах чуть затих, прислушался.— Это я сделал, чтобы ты понял, как нехорошо портить книжки.

— Ну да! — сказал Костя.— Книжку-то ведь машины делали, я знаю. А рисунок я рисовал. А ты всё зачеркал...

— Нет, Костя, книжку делали люди. Много людей делало. И каждый старался сделать получше. А ты их работу испортил. Вот пойди, спроси у мамы, она тебе расскажет, сколько людей делало эту книжку.

Сколько людей делало книжку

Небольшая книжечка, а сколько, оказывается, труда потрачено для того, чтобы Костя мог держать её в руках, рассматривать картинки и слушать или читать то, что в ней написано!..

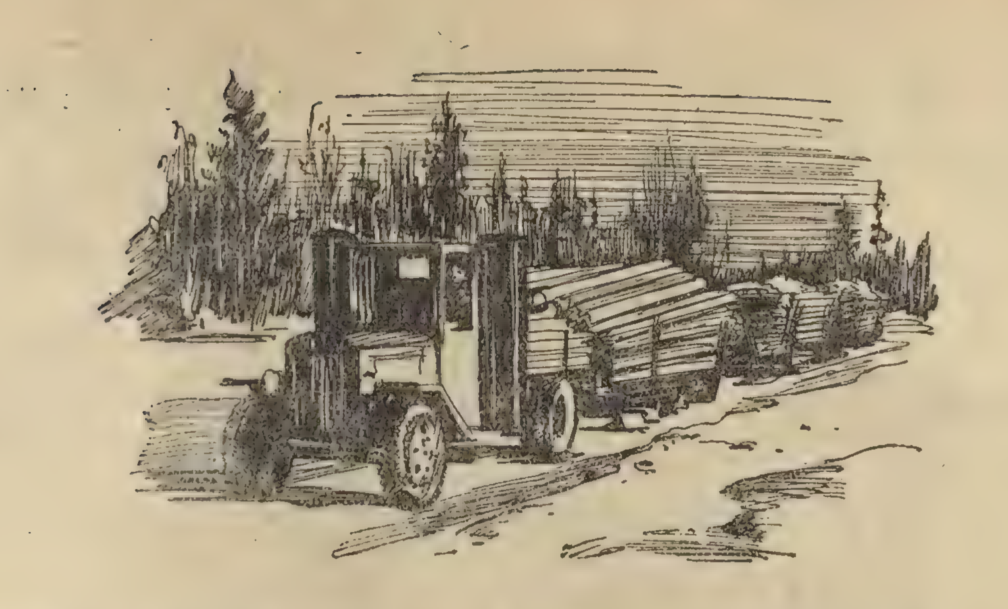
Вот что было сделано, прежде чем книжка попала в руки мальчика.

...Открылись большие, тяжёлые ворота Уралмашзавода, и из громадного шумного цеха вышел поезд. Только в этом поезде у вагонов не было ни стен, ни крыш. Такие вагоны называются платформами. На них лежали и стояли большие металлические части машин.

Поезд долго шёл через леса и поля, мимо гор и долин. Около одной из гор он остановился. Люди сгрузили все части машин и стали приделывать их одну к другой. И — как из игрушечного «Конструктора» — получились экскаваторы, машины с гигантскими лопатами-ковшами.

Этими ковшами люди выгребали из горы руду — такую землю, в которой много железа. Поезда везли руду на металлургический завод. В домнах — особых печах высотой в многоэтажное здание — руду расплавляли, и из печи лился чугун, жидкий, как сливки, и горячий, как солнце. Потом в мартенах — почти таких же огромных печах — плавили сталь. Сталь постепенно застывала и делалась такой холодной и твёрдой, какой ты её знаешь.

И опять через леса и поля, мимо гор и долин бежали

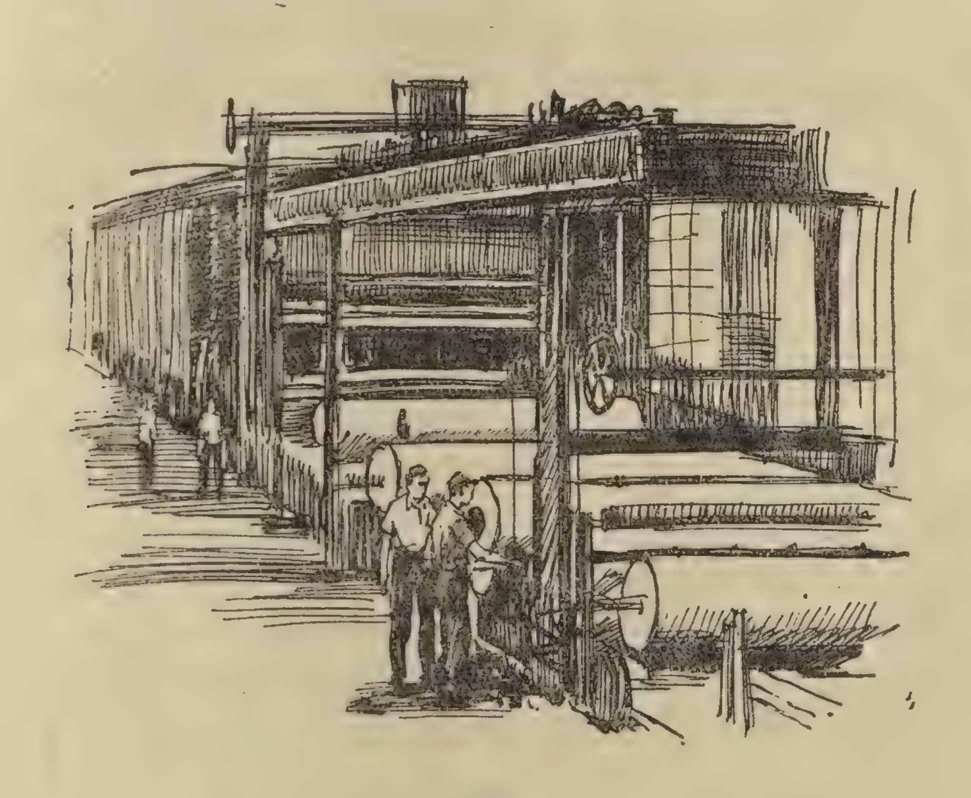

поезда. Они везли сталь на машиностроительный завод. На этом заводе работали сотни людей. Они делали машины, которые могут печатать книги.

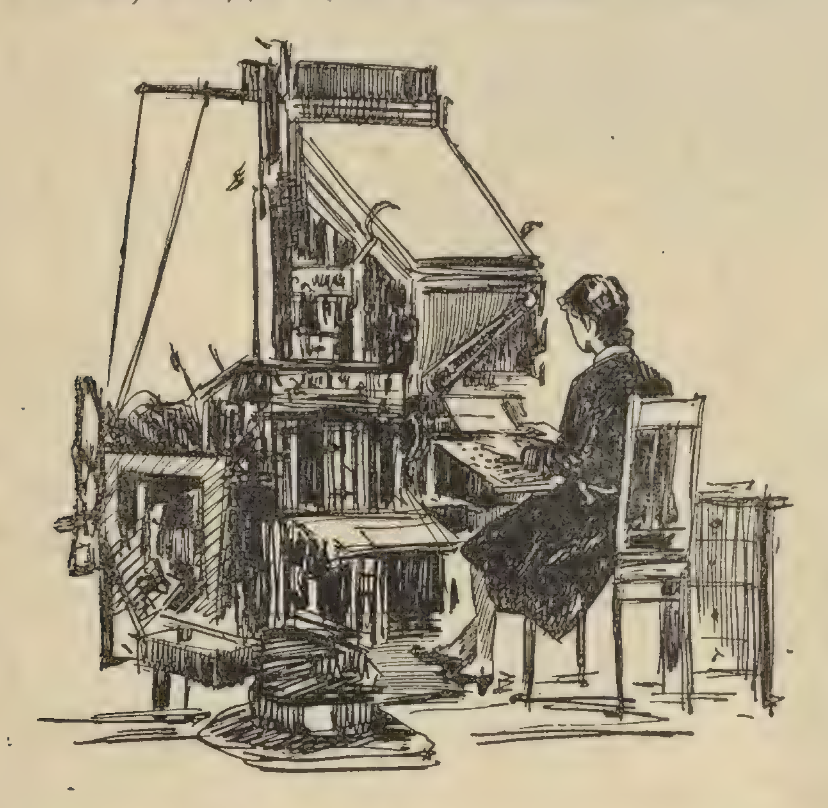
А в это время в далёком глухом лесу работали лесорубы. Одно за другим падали деревья. Тракторы волокли их к железной дороге. А по железной дороге деревья везли на бумажную фабрику. Там из них делали бумагу.

И опять бежали поезда — везли бумагу в город.

На другом заводе в это время изготовляли краски — чёрную, зелёную, синюю, жёлтую...

А в одном из городских домов, за большим широким столом сидел поэт. Он писал стихи — для Кости и ещё для многих тысяч ребят, таких же, как Костя. Ему хотелось, чтобы стихи вышли получше. Поэт думал над каждым словом, ему не хватало времени, и часто он работал не только днём, но и ночью, когда Костя спокойно спал.

А потом он понёс написанное редактору. Редактор прочитал и говорит:

— Вот это хорошо написано. А вот это слово Костя, наверное, не поймёт. Ведь он ещё маленький. И другие ребята не поймут. Надо найти другое слово. И вот в этом месте получилось плохо. Давайте подумаем, как сделать лучше.

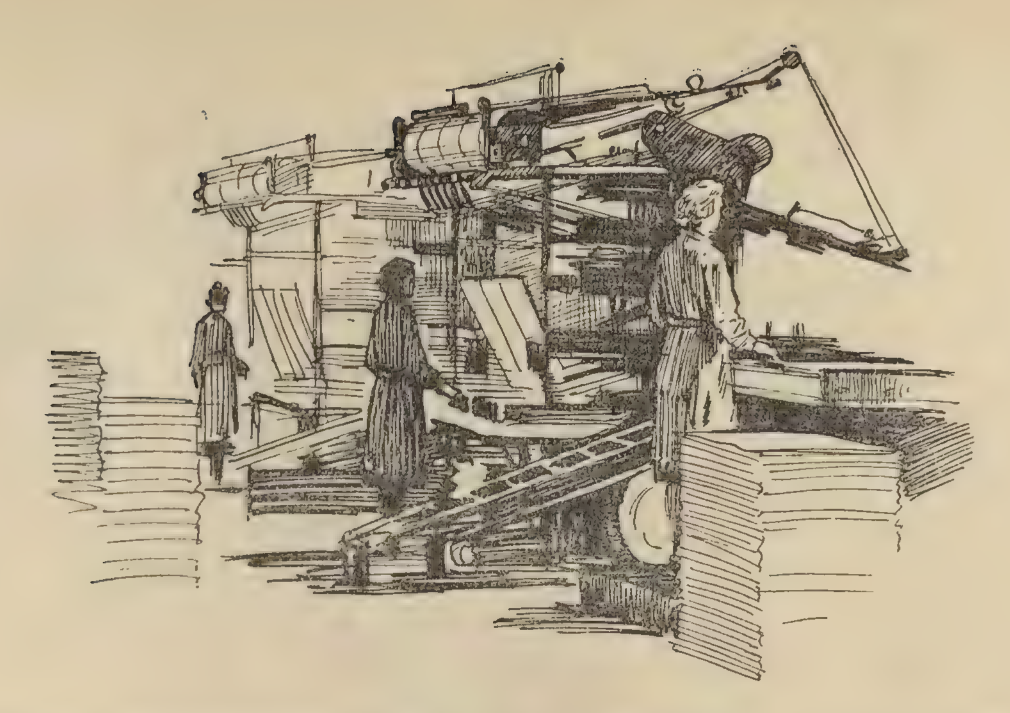
Они думали вместе, и опять поэт сидел и работал за своим большим широким столом.

А машинистка перепечатывала то, что он написал.

В другом доме так же много работал художник. Он рисовал к стихам картинки. Совсем, как Костя. Только, конечно, гораздо лучше. Потому что он настоящий художник.

И вот в типографии (так называются фабрики, где печатают книги) собрали всё, что нужно: машины, краски, бумагу, рисунки художника и то, что написал поэт.

Наборщица, которая набирает буква к букве всё, что написано, села за линотип. Это такая машина. Она походит на пишущую машинку. У неё такие же клавиши-рычажки, на которых помечены разные буквы. Только пишущая машинка печатает буквы на бумаге, а линотип не печатает. Рабочий нажимает на рычажки, и из линотипа выскакивают целые строчки. Они отлиты из металла.

Строчки составляют одна под другую — получается страница. А страницы ставят в печатные машины. На этих машинах с металлических страниц отпечатываются страницы бумажные, вот такие, как в этой книжке.

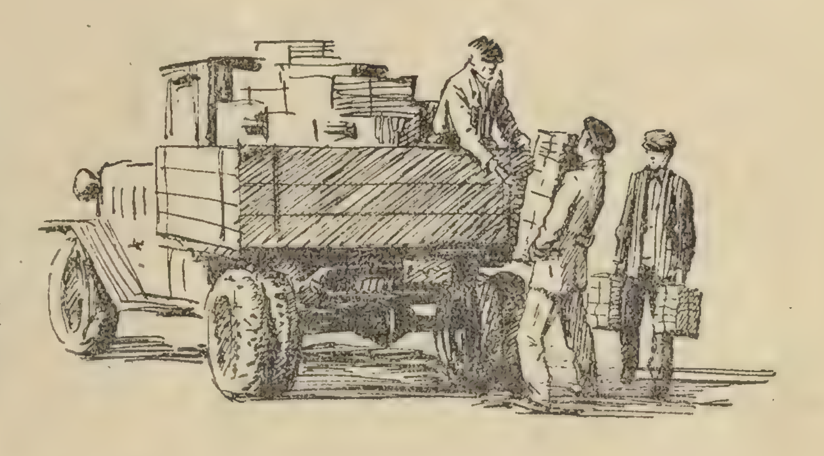
Потом бумажные листы складывают вместе, скрепляют и одевают в обложку — переплетают.

И вот уже гудят под окнами книжной фабрики грузовики: шофёры торопятся отвезти готовые книжки в магазины.

Вот сколько людей делают одну небольшую книжку!

И эту книжку делали так же. И каждый из людей — и горняки, которые добывали руду, и металлурги, которые плавили сталь, и художник, и наборщица, и печатники — каждый работал старательно, каждый хотел, чтобы книжка получилась лучше.

Должен ли Костя работать?

— Теперь ты понял, Костя, почему нужно беречь книжки? — спросила мама, закончив свой рассказ. — Ты рисунок делал один. А книжку делали сотни людей.

— Понял,— тихо сказал Костя.

Он задумался, потом спросил:

— Мам, а вот табуретка — она ведь простая? Её ведь не так делали?

Это Костя вспомнил, что табуретку, которая стоит на кухне, он тоже портил — резал ножичком и черкал карандашом.

Мама, конечно, сразу догадалась. Потому что мамы всё понимают. Но она не стала ругать Костю, а сказала:

— Да, табуретку сделать проще, чем книгу. Но и над ней тоже много потрудились. Ведь сначала надо было изготовить инструмент: пилу, топор, рубанок, стамеску. Надо было сделать клей и краску. И так же работали лесорубы. Может быть, в мороз, в метель. Им приходилось трудно. Да ещё сколько сил потратил столяр, который делал табуретку... Видишь ли, Костя, какую вещь мы ни возьмём — над каждой много работали люди. И поэтому любую вещь надо уважать и беречь.

Костя ещё подумал и сказал, что он сейчас пойдёт и приберёт свои книжки. И что больше не будет резать ножичком табуретки и стулья.

Он пошёл и аккуратно сложил на нижней полке этажерки все свои книжки. Мама посмотрела и сказала, что получилось хорошо.

— А что ты ещё умеешь? — спросила мама.

— Играть умею. Рисовать...

— А ещё?

Костя задумался: что он ещё умеет? Хотел сказать: «Мурлыку таскать за хвост», но не решился.

А мама наступала:

— Нет, ты ещё кое-что умеешь. Ты можешь и сор подобрать с пола, можешь подмести. Пыль вытереть со стульев ты тоже, конечно, сумеешь. Ложки вытереть, когда мы с Валей моем посуду, разве не сумеешь?

— Су-умею,— улыбнулся Костя.— Я даже и чашки сумею. и ножи, и тарелки...

А мама продолжала:

— Вот: что умеешь, то и надо делать. Ведь так живёт вся наша семья. Кто что умеет, что может, тот и делает это.

Папа умеет делать машины — он работает на заводе. Я умею шить — я шью. Бабушка стряпает. Валя моет посуду, ходит в магазин. А ты — неужели ты такой неумеха, что ничего не сможешь сделать?

Костя заволновался:

— Ого! Да я... Подумаешь — Валя! А я... Вот сейчас посмотришь!

Он помчался на кухню, схватил веник и тряпку. Бабушка только моргала.

А Костя, пыхтя и от старания высунув язык, вовсю работал, прибирая комнату...

Медицинская сестра

Е. Ружанский *Рисунки Е. Гилёвой*

В детский сад пришла с утра
Медицинская сестра
В белом глаженом халате,
Осмотрела все кровати,
Чист ли пол проверила,
Комнаты проветрила.
Станут дети собираться
Возле шкафчиков своих,
Станут дети раздеваться —
И сестра осмотрит их:
Как головки, не грязны ли,
Шеи чисто ли помыли,
И у всех ли коротки
На ручонках ноготки...
А чтоб дети не хворали,
Вместе с доктором вчера
Им прививки прививала
Медицинская сестра.

О всех она заботится
И летом и зимой...
И Тане очень хочется
Такой же стать сестрой.

Повариха

Е. Ружанский — *Рисунки Е. Гилёвой*

Все ребята пляшут лихо,
Только Тони с ними нет,—
Тоня в кухне с поварихой
Разговаривает.

Нашей Тоне не известно,
Как готовится обед.
Тоне очень интересно
Получить на всё ответ.

Повариха всё, что знала,
Нашей Тоне рассказала:
Как в натопленной печи
Выпекают калачи,
Пышки да баранки;
Как готовить надо щи,
И бульоны, и борщи,
Каши, запеканки...

А когда домой из сада
Тоня вечером пришла,
Из посуды всё, что надо,
В уголок свой собрала.

Есть там печь,
        плита с духовкой,
Лук,
        капуста и морковка,
Соль,
        и масло,
            и мука...
Хватит этого пока.

Удивилась мама:
            — Тихо
Стало в комнате у нас.
Где ты, дочь?
            — Я повариха,
Ужин стряпаю сейчас...

КАК МОРЕ СТАЛО СОЛЕНЫМ

Л. Татьяничева *Рисунки Ю. Лихачёва*

О том, что Серёжа и Саша решили стать моряками, знают ребята всего нашего дома. Весной они оба щеголяли в бушлатах и бескозырках, украшенных лентами с названиями боевых кораблей — «Варяг» и «Аврора».

Впрочем, бушлаты и бескозырки есть у многих мальчиков. А вот такого прекрасного кортика, как у Серёжи, или компаса, какой подарил Саше папа, нет больше ни у кого

Особенно завидуют ребята Серёже, когда он выносит свою морскую флотилию: килевой корабль с красными парусами, две подводных лодки и сторожевой катер.

К сожалению, все эти морские суда почти всегда лежат на шкафу, потому что плавать им негде. В ванне Серёжина бабушка не разрешает, а река далеко... Вся надежда была на дождь, но он, как назло, всё время проходил мимо. Мальчики

каждое утро с надеждой смотрели на небо — не потемнело ли оно от дождевых туч?

Наконец, Серёже и Саше повезло. Дождь собрался и разразился с такой силой, на какую он только способен...

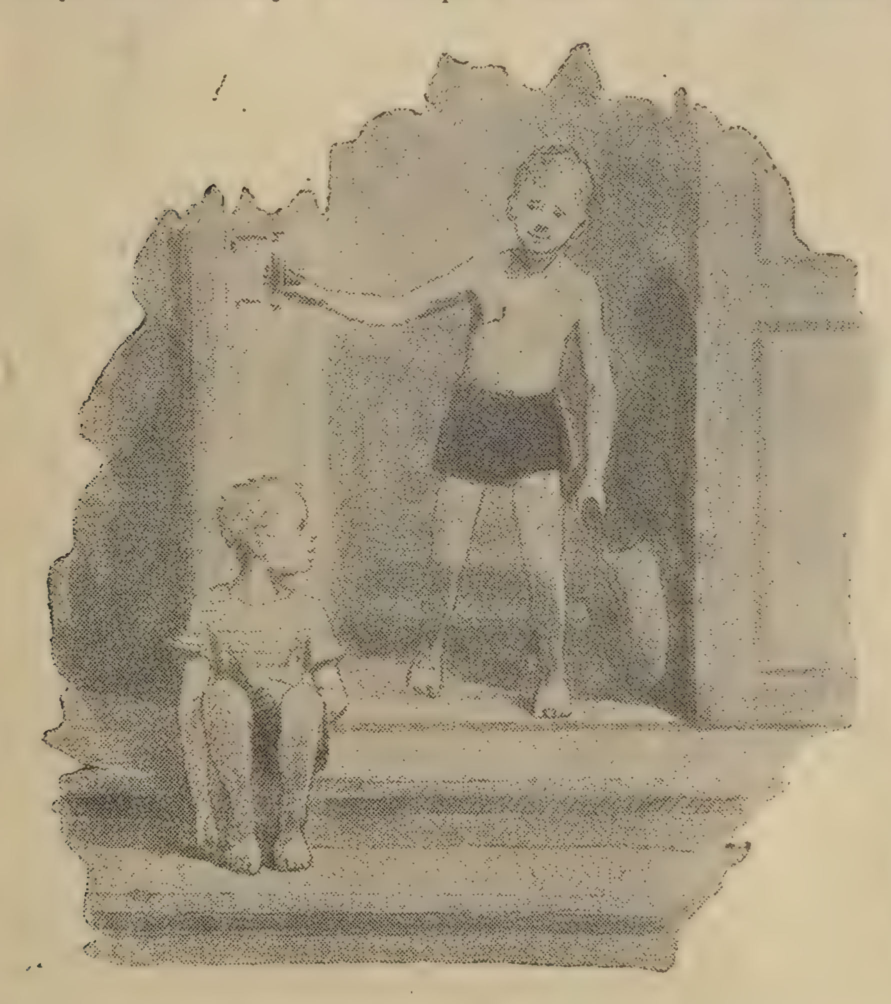
Он падал на землю не тонкими прозрачными нитями, а целыми потоками, которые, едва коснувшись земли, сразу же превращались в настоящие реки.

Серёжа и Саша были счастливы. Прижавшись носами к оконному стеклу, они любовались широкими рябыми лужицами и мечтали о том, какое прекрасное море сделают возле своего дома...

Они хотели немедленно же приступить к выполнению своего плана, но дождь шёл целый вечер, и мальчикам пришлось лечь спать, даже не побегав по тёплым лужицам.

Никогда Серёжа не вставал так рано, как на следующий день! Стоило только солнцу заглянуть в окно, как мальчик был уже на ногах. Он послушно выпил кружку тёплого молока, вооружился большой лопатой и с грохотом скатился по лестнице.

Но Саша, как и полагается более взрослому человеку, уже перешедшему во второй класс, встал ещё раньше, чем Серёжа, и с нетерпением ждал его возле подъезда.

Несмотря на ранний час, солнце успело уже порядком накалиться и своими горячими лучами, словно утюгами, проглаживало асфальтовые дорожки.

Нельзя было терять ни одной минуты. Друзья тщательно обследовали все окрестные лужи, но ни одна из них не была достойна стать морем.

Рядом с домом, на широком пустыре, строилось большое здание. Мальчики любили часами наблюдать за работой огромного башенного крана. Не хуже строителей они изучили каждый бугорок, каждую ямку на обширной строительной площадке. Но и здесь не оказалось ни одной глубокой лужи.

Мальчикам решительно не везло. Но вот почти возле самой дороги они увидели настоящее море, блестевшее на солнце, как никелированный поднос. Серёжа и Саша вскрикнули от радости и немедленно принялись за дело

Чтобы грузовики и самосвалы не могли нечаянно нарушить

морских границ, мальчики решили ближайший от дороги берег прикрыть неприступными утёсами. Эта часть работы была наиболее трудной, так как булыжники, вывороченные экскаватором при рытье фундамента, оказались страшно тяжёлыми. Но моряки никогда не отступают перед трудностями, и, в конце концов, берег получился хоть куда. Вот именно о такие неприступные скалы и разбиваются во время штормов океанские и морские корабли!

Серёжа и Саша не забыли сделать два необитаемых острова и несколько удобных бухт, куда они будут заводить свои корабли после сражений и штормов.

Вот и море готово! Ребята ликовали, когда первая же идущая на стройку машина осторожно огибала морской берег, чтобы не разбиться о прибрежные утёсы.

Серёжа принёс свою флотилию и в боевом порядке выстроил у причала. Саша сбегал за компасом и вдобавок выпросил у мамы бинокль, в котором недоставало всего одного стекла. Друзья пришли к убеждению, что так даже удобнее, ведь всё равно, когда смотришь в бинокль, один глаз приходится прищуривать.

Можно было начинать игру, но Серёже и Саше хотелось дождаться Вову, Гену и других ребят. Вот уж будут они жалеть, что проспали такое интересное дело, как создание моря!

Возможно, мальчикам пришлось бы ещё долго ждать, если бы на их счастье не выбежала малышка Танечка, прозванная за свой маленький рост шпаргалкой. Танечка всегда всё знала. Ей было доподлинно известно, какие подарки привёз Серёже папа, сколько котят у Вовиной кошки, какое платье купили Люде ко дню рождения...

Новости, которые узнавала Таня, сразу же становились известными всему дому.

Саша подозвал Танечку и таинственно сказал:

— Это море мы с Серёжей сделали, пока все в доме спали. А сейчас морское сражение будем начинать. Только, чур, никому об этом, слышишь?

— Спрашиваешь, да разве я когда...— Впрочем, конец этой фразы мальчики не расслышали, так как Таня стремглав

полетела поделиться выдающимся событием с девочками и мальчиками всего многоквартирного дома.

Можно только удивляться той быстроте, с которой девочка на своих коротеньких ножках успела обежать весь дом! Не прошло и пяти минут, как пустынный морской берег оказался густо населённым. Серёжа и Саша чувствовали себя настоящими героями и великодушно разрешили товарищам плескаться в морских волнах. Они уже начали было подбирать команду для предстоящего плавания, когда веснушчатый, похожий на золотистый подсолнух, Гена пренебрежительно сказал:

— Подумаешь, море! Да в настоящем-то море вода всегда солёная.

— И у нас солёная,— солидно ответил Серёжа.

— Как бы не так! Давай на что угодно спорить, что не солёная! — настаивал Гена.

Спор всех заинтересовал. Все присутствующие разделились на две группы, но большинство склонялось к тому, что вода в этом море такая, какой ей и полагается быть...

Единственный способ доказать свою правоту — это попробовать воду. Гена, набрав полную пригоршню мутноватой воды, сделал большой глоток.

— Я говорил, что не солёная, вот и не солёная!

Но не так-то легко сбить с толку настоящих моряков.

— Это для нас пустяки,— сказал Серёжа так громко, чтобы его услышали все.— Ну-ка, ребята, несите, кто сколько может, соли!

Затея всем понравилась. Мальчики и девочки, все, за исключением Гены, бросились по домам и вскоре вернулись,

нагружённые солью. Белокурая Людочка принесла стеклянную солонку и, высыпав соль, снова побежала домой.

Но самым находчивым оказался Вова. Он притащил целое ведро рассола, приготовленного матерью для засолки огурцов.

— Теперь нужно соль как следует размешать,— предложила хозяйственная Танечка. Воду в море, словно в большой кастрюле, тщательно размешали.

— Ну, вот теперь наше море стало солёное,— торжественно провозгласил Серёжа.

— Как бы не так! — хмуро возразил Гена.— На что угодно могу спорить, что всё равно оно не солёное.

Ребята зашумели, зашикали на Генку.

— Ну, ты, не очень-то задавайся,— угрожающе произнёс Вова.— Я сам чуть не бочку солёного рассола вылил, а ты говоришь не солёное!

Гена исподлобья взглянул на Серёжу и процедил с явным вызовом:

— Вот что, если ты и в самом деле думаешь, что вода в вашей луже солёная, тогда давай спорить на твою подводную лодку.

— Да ну его, не связывайся ты с ним, Серёжа! — Саша, не любивший Гену за его неуживчивый характер, досадливо передёрнул плечами.

Тем временем Вова и Таня не без умысла продолжали мутить воду длинными палками, делая при этом вид, что они размешивают осевшую на дне соль. Благодаря их стараниям вода стала густая и черная, как деготь.

— Ну, что же ты не пробуешь? -- спрашивали ребята Геннадия.

Тоненькая, как былинка, Катенька, целыми днями играющая в докторов и больницу, озабоченно наклонилась над водой.

— Я запрещаю пить морскую воду,— сказала она звонким решительным голоском.— Разве вы не видите, да здесь микробов не меньше тысячи. Смотри, Генка, какая микробина плывёт.

По правде говоря, весь этот спор Гена затеял в надежде выиграть у Серёжи голубую подводную лодку, но после Катиных слов ему стало страшно пробовать эту подозрительную воду, и он застыл в нерешительности.

Заметив колебание Гены, Вова настойчиво спросил:

— Ну что, солёная вода в нашем море или нет?

В этот момент прибежала запыхавшаяся Людочка и высыпала в воду горсточку наполовину растаявшей соли.

— Теперь, может, и стала солёная. Вон Людка ещё сколько соли подбросила,— пробормотал Генка, явно довольный тем, что нашёлся подходящий повод отказаться от спора.

Ребята засмеялись, а Серёжа примирительно сказал:

— Если хочешь, Гена, играй моей подводной лодкой. А вы, ребята, слушайте команду. Через пять минут наша боевая флотилия отправляется в дальний рейс!

...Мимо неприступного берега, до предела сбавив скорость, идёт пятитонка, груженная красным кирпичом. Пожилой шофёр в украинской вышитой сорочке с ласковой улыбкой смотрит, как по волнам неизвестного моря, которого нет ни на одной карте мира, на всех парусах мчится корабль. Ему не страшны ни бури, ни штормы. Отважные матросы ведут этот корабль, и тёплый июльский ветер разносит знакомые слова старой матросской песни:

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»...

Громче всех поют Серёжа и Саша и похожий на золотистый подсолнух веснушчатый Гена, который, между нами говоря, бесповоротно решил стать китобоем или водолазом.

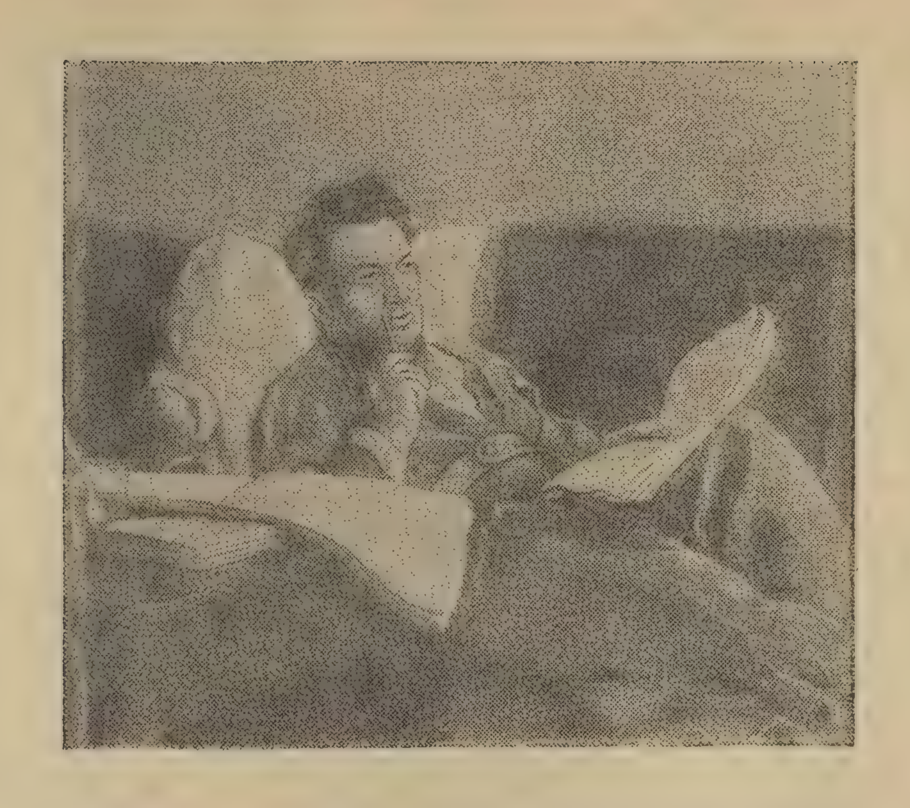
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГЛИНКА

1804 — 1857
1
июнь

«Рост миниатюрный. Брюнет с бледно-смуглым, очень серьёзным задумчивым лицом, окаймлённым узкими, чёрными, как смоль, бакенбардами, необыкновенно умные глаза его блистают ярким огнём... среди общества, которое было не по нём, он, даже приневоливая себя, решительно не мог музицировать. Напротив, в кругу людей, искренно любящих музыку, Глинка дышал свободно, весь отдавался искусству, увлекал всех», — так характеризовал Глинку русский композитор Серов.

Михаил Иванович Глинка родился 20 мая 1804 года в имении Новоспасском, Смоленской губернии.

Он был болезненным и слабым от рождения. Это тревожило родителей. «В комнате, где обитал я,— писал впоследствии Глинка,— было, по крайней мере, 20 градусов тепла по Реомюру. Несмотря на это, я не выходил из шубки».

Миша рос любознательным ребёнком. Он очень много читал. Больше всего любил читать о путешествиях, о далёких, таинственных и жарких странах. Мечтал вырасти и стать путешественником. Отрываясь от книги, он брался за рисование. Учитель рисования был очень доволен своим способным и прилежным учеником.

Но всё чаще на уроках рисования учитель замечал, что Миша становится рассеянным, то и дело отрывается от бумаги и, словно зачарованный, слушает доносящиеся через окно звуки песен. Постепенно музыка стала вытеснять все остальные увлечения.

А случилось это так.

Однажды, когда Мише было 10 лет, в имение его отца приехал оркестр, состоявший из крепостных крестьян. В нём было много талантливых музыкантов. Их игра в первый же вечер поразила мальчика, покорила его, потрясла:

«Эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатление... я был погружён в неизъяснимое томительно-сладкое состояние... с той поры я страстно полюбил музыку... что ж делать, музыка — душа моя».

Теперь мальчик мог часами, как заворожённый, слушать крестьянские песни, любоваться народными плясками.

«...И, быть может, эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первою причиною того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать русскую народную музыку»,— писал он.

Зимой 1817 года Глинка был отдан в Благородный пансион в Петербурге. В эти годы он познакомился и подружился с Пушкиным, Жуковским, Грибоедовым, Одоевским и Дельвигом. Новые друзья учили Глинку любить и уважать народ и его творчество.

Самым значительным произведением Глинки является опера «Иван Сусанин».

С юных лет Глинка мечтал написать русскую оперу.

«Когда я изъявил желание написать русскую оперу,— пишет Глинка,— Жуковский искренне одобрил моё намерение и предложил сюжет «Ивана Сусанина».

Сначала Жуковский сам хотел писать либретто оперы, но впоследствии передал эту работу немцу барону Розену. Розен был бездарным поэтом. Он написал либретто, в котором восхвалял царя.

Глинке было очень трудно писать на это либретто, но он постарался вложить в музыку весь свой талант, всю свою любовь к народу и горячие патриотические чувства.

В основе оперы лежат подлинные исторические события...

В Московском государстве в начале XVII века шла борьба за царский престол. Этим «смутным» временем воспользовались польские паны, которые решили захватить Москву. Против иноземных захватчиков поднялся весь народ. В 1612 году народ изгнал поляков из Москвы.

...В районе села Деревеньки в поисках добычи рыскают польские паны. Они забрели в село, разграбили его. А затем потребовали, чтобы им дали проводника в дальнейшую дорогу. С ними вынужден был пойти Иван Сусанин... Метель замела все дороги. Сусанин повёл поляков вглубь леса. И там, среди ночи, в глухом месте без тропинок и дорог, он объявил им, что не поведёт дальше, что они погибнут здесь от холода и голода. Разъярённые враги зарубили Сусанина.

До Глинки считалось, что опера может воспевать только подвиги царей, богов или сказочных «героев». Глинка впервые вывел на сцену простого русского крестьянина в лаптях и бедной одежде, воспел подвиги простого народа.

Это оскорбило царский двор, аристократию, которая насмешливо назвала «Ивана Сусанина» «музыкой кучеров».

В ответ на это Глинка сказал: «Это хорошо и даже верно, ибо кучера, по-моему, дельнее господ».

Совсем другое отношение встретила опера Глинки у лучших представителей русского общества.

Глубокий знаток музыки, писатель Одоевский писал: «Начинается новый период в искусстве —период русской музыки».

«Глинка вдруг одним шагом стал наряду с Моцартом, Бетховеном. Глинка — настоящий творческий гений»,— сказал впоследствии Чайковский.

Второй широко известной оперой Глинки является «Руслан и Людмила» — опера-сказка, светлая, поэтическая, солнечная. Опера написана по мотивам одноименной пушкинской поэмы.

Это — глубоко национальная опера. Она тесно связана с русским народным творчеством, но в ней виден интерес Глинки и к творчеству других национальностей. Наряду с русскими, мы слышим здесь финские, иранские, арабские, кавказские мелодии.

Опера «Руслан и Людмила» сыграла огромную роль в истории русской оперы. На этом произведении учились все последующие русские композиторы, начиная с Бородина и Римского-Корсакова.

Кроме опер, Глинка на протяжении всей жизни сочинял романсы и песни. Романсы эти очень просты. Мелодии их ясны, легко запоминаются. Большинство романсов Глинка писал на тексты Пушкина. В них композитор удивительно верно передал не только поэтичность, но и музыкальность пушкинского стиха. Самые знаменитые романсы — «Я помню чудное мгновенье», «Жаворонок», «Грузинская песня», «Слышу ли голос твой» и другие.

Глинка писал и симфонические произведения. Лучшее из них — «Комаринская».

Вся жизнь Глинки тесно связана с народным музыкальным

творчеством. Глинка говорил: «Создаём не мы, создаёт народ, мы только записываем и аранжируем».

Глинка никогда не писал для нескольких «знатоков». Он стремился сделать своё творчество понятным самым широким массам.

Все крупнейшие русские композиторы были последователями Глинки. Он делился своими знаниями и опытом с композиторами Даргомыжским, Серовым, Балакиревым. А такие композиторы, как Мусоргский, Бородин, Чайковский, хотя и не знали Глинку лично, но воспитывались на его произведениях.

Советские композиторы учатся у Глинки сочетать простоту и доступность музыки с высоким мастерством, с законченностью формы.

Глинка скончался на чужбине 3 февраля 1857 года. Он был похоронен на Берлинском кладбище, а два месяца спустя тело его было перевезено в Россию и погребено в Петербурге, в Александро-Невской лавре.

Великий русский композитор, родоначальник русской классической музыки, Михаил Иванович Глинка прожил интересную и очень трудную творческую жизнь.

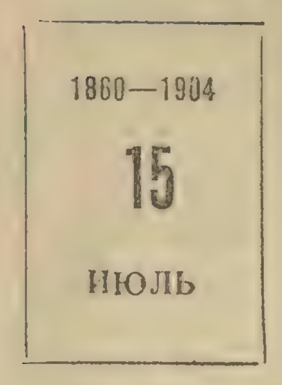
Придворная знать не любила и не понимала музыки Глинки, оригинальной, свежей, народной. Она не любила и самого композитора за его гордость, за то, что он не умел и не хотел пресмыкаться перед царским двором, за то, что он был передовым человеком, за то, что он любил и знал свой народ и его творчество.

Но у Глинки было и очень много друзей. Это были все передовые люди его времени. Великое имя Глинки стало особенно любимым и дорогим теперь, когда его музыка зазвучала для народа, которому он её посвятил.

После смерти Глинки его друг Стасов сказал: «Настанет время, когда Россия сделается тем, чего хотели когда-то одни лучшие. Тогда и музыкальное понимание поднимется, с жадностью прильнёт тогда Россия к Глинке».

Это время пришло. Имя Глинки — основоположника русской музыкальной школы — с одинаковым уважением и восхищением произносится на всех языках нашей страны.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Великий русский писатель Антон Павлович Чехов, 50 лет со дня смерти которого исполнилось 16 июля нынешнего года, родился в 1860 году, в городе Таганроге, в семье мелкого лавочника.

Любой из ребят хорошо знает рассказы Чехова о девятилетнем мальчике Ваньке Жукове, отданном «в ученье» к сапожнику, о девчонке Варьке, вынужденной, не зная сна и отдыха, выполнять тяжёлую и унизительную работу на хозяев. Детство Антоши Чехова было почти столь же тяжёлым и безрадостным, как и жизнь его маленьких героев.

Отец А. П. Чехова, сын бывшего крепостного, человек неглупый, переживший на своём веку много тяжёлого, мечтал о лучшей доле для детей. По понятиям того времени это означало, прежде всего, обеспечить детям спокойное, безбедное существование, или, как тогда говорили, «вывести их в люди». С этой целью отец установил для своих сыновей и дочери суровый распорядок, не оставлявший времени для детских игр.

Антоша, как и другие дети, был обязан помогать отцу в торговле, изучать приёмы «обмеривания, обвешивания и всякого торгового мелкого плутовства». Малейшее непослушание со стороны детей жестоко преследовалось отцом. Впоследствии Чехов с горечью вспоминал: «В детстве у меня не было детства».

Позднее, когда отец разорился и переехал с семьёй в Москву, будущему писателю пришлось одновременно с учёбой в гимназии давать частные уроки для того, чтобы заработать себе на пропитание и послать денег отцу.

Призвание к литературному творчеству Антон Павлович Чехов почувствовал очень рано, ещё в детстве, но не придавая особого значения своим способностям и стремясь, прежде всего, приносить пользу народу, он решил стать врачом. С этой целью будущий писатель по приезде в Москву в 1879 году поступил на медицинский факультет.

Жить было трудно. Отец и братья зарабатывали мало. Антону Павловичу пришлось взять на себя обязанности главного

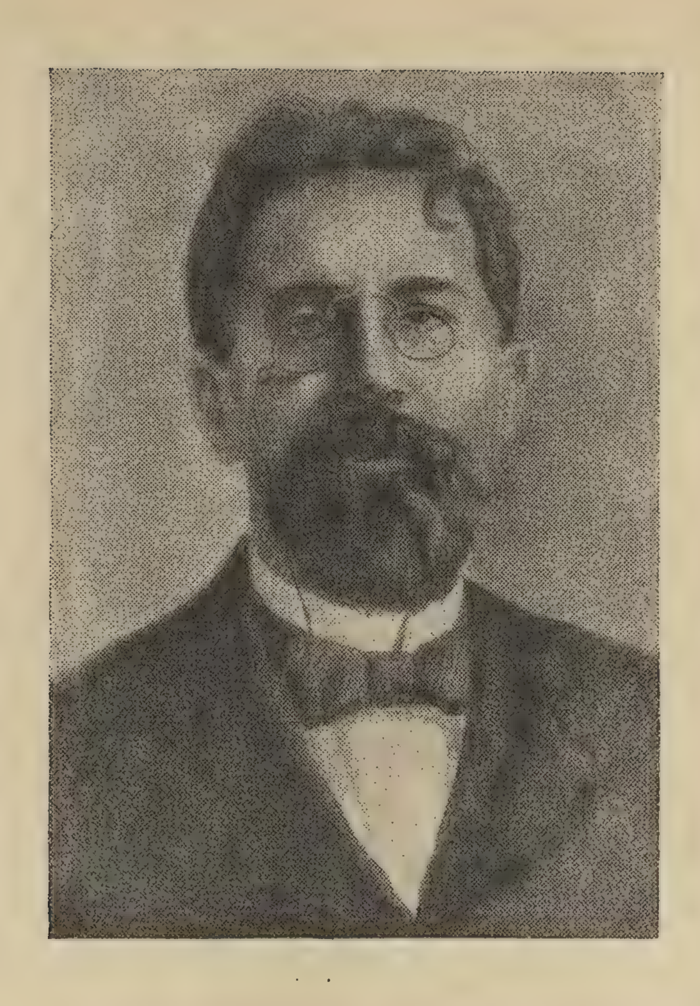
кормильца семьи. Считая своим главным делом медицину, продолжая учиться в университете, он только ради заработка начал писать небольшие рассказы для юмористических журналов.

В своих ранних произведениях Чехов высмеивал сытых, самодовольных обывателей, выражал свою глубокую, неистребимую любовь к угнетённому, тёмному, униженному, но бесконечно талантливому трудовому народу, страдающему под гнётом злой машины царского самодержавия.

Нет живой души, которая разделила бы горе извозчика Ионы, у которого только что умер сын (рассказ «Тоска»), не найдёт отклика рвущее сердце письмо Ваньки Жукова, отправленное «на деревню дедушке». Что до народа купцам, помещикам, фабрикантам, чиновникам! Их единственная забота — войти в милость к власть имущему, ценой любой подлости получить какой-нибудь орден, побольше урвать для себя от жизни. А для того чтобы народ, чего доброго, не разглядел корня зла и не помешал «хозяевам жизни», надо всегда держать наготове цепных собак вроде унтера Пришибеева.

Только проработав несколько лет в журналах, изведав на себе всю тяжесть «чёрного» литературного труда, Чехов принял решение стать профессиональным писателем. Ещё зорче стал он вглядываться в жизнь, ещё серьёзнее, строже относиться к своему труду. Ещё острее, беспощаднее стала его критика существующего строя.

80-е годы прошлого века, когда появились первые выдающиеся произведения А. П. Чехова, были одной из самых мрачных страниц в истории нашей Родины. В 1881 году члены революционной организации «Народная воля» убили царя Александра II. Но народники ошибались, думая, что убийство царя повлечёт за собой революцию. Стремясь обезопасить себя, в корне пресечь самую возможность революции, царское правительство свирепо расправилось с народниками. Их руководители были казнены, а рядовые члены организации сосланы на каторгу. Каждое проявление свободной, честной мысли рассматривалось как «крамола» и жестоко каралось. «Боялись громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бедным, учить грамоте»,— так вспоминал

Чехов устами одного из героев своего «Человека в футляре» о 80-х годах.

Вершителями общественного мнения стали люди, подобные зловещему учителю гимназии Беликову. Всякий, кто не уступает им, неминуемо гибнет, не в силах противостоять мутной волне обывательщины, захлестнувшей бо́льшую часть слоёв русского общества.

Богатырские силы многих талантливых русских людей разбивались о стену косности и равнодушия. Погиб замечательный русский учёный Осип Дымов (рассказ «Попрыгунья»). Старый профессор в рассказе «Скучная история» пришёл к горестному выводу, что он напрасно, без пользы прожил свою жизнь.

Мещанство, как трясина, засасывало многих и многих молодых людей, проникнутых верой в жизнь, стремлением приносить пользу народу. Андрей Прозоров, один из героев пьесы «Три сестры», намеревавшийся стать учёным, под влиянием

среды постепенно опускается и становится заурядным чиновником. Самое страшное в том, что Прозоров доволен своей судьбой и лишь в редкие минуты просветления сознаёт глубину своего падения. В одну из таких минут он говорит:

«...Только едят, пьют, спят, потом умирают... родятся другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят свою жизнь гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством»... «Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, равнодушны, бесполезны, несчастны?..»

Ни Андрей Прозоров, ни сам А. П. Чехов не могли дать ответа на этот вопрос. К концу своего творческого пути Чехов всё глубже сознавал мерзость современного ему общественного строя, приходил к твёрдому убеждению, что «больше так жить невозможно». Более того, Чехов понимал, что всякого рода полумеры, реформы подобны лечению неизлечимых болезней, что «лечить надо не болезни, а их причины». Но в чём эти причины, как лечить, что надо делать для переустройства общества, Чехов не знал. Он не понимал, что рабочий класс, руководимый подлинно революционной партией,— единственная сила, способная ниспровергнуть ненавистный народам нашей родины эксплуататорский строй.

Потому-то даже любимые герои Чехова, выражавшие самые заветные мысли писателя, могли только мечтать о счастливых временах, которые настанут «через сто, триста, пусть даже тысячу лет». Пути к этому счастливому будущему они не знали и бороться за него не умели.

Самые смелые, сокровенные мечты великого писателя и его героев сбылись в наше время. Непостижимой, невероятной казалась бы Ваньке Жукову или Варьке из рассказа «Спать хочется» самая мысль о счастливом детстве, каким пользуются советские ребята. Школьники и пионеры с трудом могут поверить в страшную правду чеховских произведений. Любой советский школьник обязан помнить, что новые великолепные школы, дворцы пионеров, пионерские лагеря — все блага, которыми он ежедневно и привычно пользуется, завоёваны в упорной борьбе его отцами и дедами. Нельзя ни на минуту забывать и о том, что миллионы детей в капиталистических

странах до сих пор лишены радостей детства и живут в таких же условиях, в каких жили маленькие герои Чехова.

Пятьдесят лет исполнилось со дня смерти А. П. Чехова. Срок большой. Но книги великого писателя не устарели. Они помогают советским людям строить коммунизм, то счастливое будущее, о котором мечтал Чехов.

А. П. Чехов дорог нам как непревзойдённый мастер художественного слова, создатель короткого рассказа в русской литературе, учитель многих выдающихся советских писателей.

БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ!

На этом рисунке вы сможете отыскать несколько предметов, которые, несмотря на внешнее различие, попарно называются одинаково. Внимательно рассмотрите рисунок и найдите здесь семь пар таких предметов.

ШАРАДЫ

1. Ты найдёшь меня на дне
В синем море. И во мне
От начала до конца
Два предлога и три «ЦА».
2. Слог первый — морское названье
востока,
Второй же — в земле вырывают
глубоко.
А целое можно узнать без
труда:
Его окружает сплошная вода.
3. Шарада чересчур проста,
Над ней вам долго не трудиться:
К планете дерево приставь —
Планета в город превратится.

РЕБУСЫ

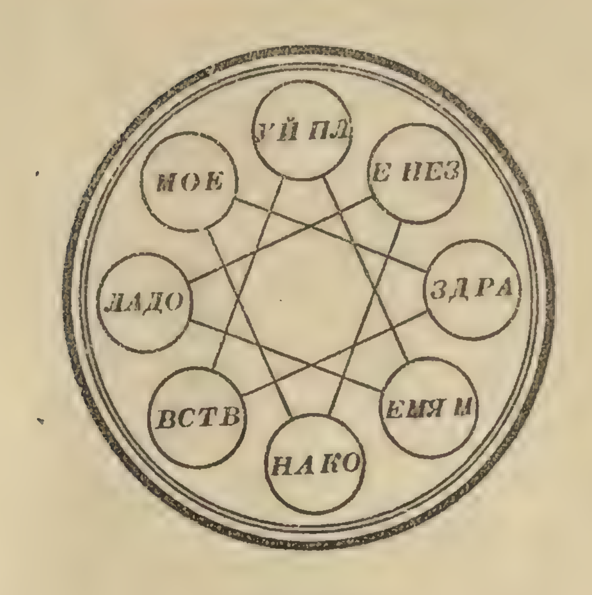
1. Попробуйте прочесть строчку известной песни.

2. Если вы знаете ноты, то ребус прочтёте очень легко.

ГОЛОВОЛОМКА

Найдите кружок, с которого надо начинать, и при помощи линий, соединяющих кружки, прочтите строку из стихотворения А. С. Пушкина.

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ „В ЧАСЫ ДОСУГА“

БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ! Семь пар различных предметов: колонна, лук, шашки, быки, журавль, коса, труба.

ШАРАДЫ

1. У-с-три-ца, в целом: устрица.
2. Ост-ров, в целом: остров.
3. Марс-ель, в целом: Марсель.

РЕБУСЫ

1. Широка страна моя родная!
2. Домики стоят у реки.

ГОЛОВОЛОМКА

Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Вновь я посетил ..»:
Здравствуй, племя младое, незнакомое!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В 1953—1954 году Свердловское Книжное Издательство выпустило ряд книг для детей.

Перу замечательного английского писателя *Джонатана Свифта* принадлежит книга *«Путешествия Гулливера»* в двух частях.

«Трёхмачтовый бриг «Антилопа»,— так начинается книга,— отплывал в Южный океан. На корме стоял корабельный врач Гулливер и смотрел в подзорную трубу на пристань. Там остались его жена и двое детей: сын Джонни и дочь Бетти.

Не в первый раз отправлялся Гулливер в море. Он любил путешествовать. Ещё в школе он тратил почти все деньги, которые присылал ему отец, на морские карты и на книги о чужих странах. Он усердно изучал географию и математику, потому что эти науки более всего нужны моряку».

Бриг «Антилопа» был разбит бурей. Из всей команды удалось спастись только Гулливеру. Его прибило к неизвестному берегу. «Страна, в которую буря занесла Гулливера, называлась Лилипутия». Её населяли крошечные человечки-карлики.

«Человек-Гора»—назвали карлики Гулливера. Дети лилипутов играли в волосах Гулливера в прятки.

Целых полгода прожил Гулливер в плену. Он изучил язык лилипутов и благодаря этому смог познакомиться с их государственным устройством, бытом и нравами.

Блефускуанцы, с которыми лилипуты вели много лет войну, помогают Гулливеру бежать из Лилипутии.

В море его подобрал настоящий корабль, и вскоре Гулливер сошёл по трапу на родной берег и обнял свою жену, дочь Бетти и сына Джонни.

Но Гулливер не мог долго жить без моря. Через два месяца после своего возвращения на родину «он уже числился врачом на корабле «Адвенчер».

Недалеко от острова Мадагаскар «Адвенчер» был настигнут страшной бурей. Как скорлупку, бросало корабль из стороны в сторону. И всё-таки моряки вышли победителями.

Однако, где находится корабль, никто не знал, так как во время бури его отнесло далеко на восток.

На корабле кончилась пресная вода, без которой немыслимо было продолжать путь. Весь экипаж сейчас только и думал о том, чтобы запастись водой. Через несколько дней, наконец, увидели землю. Бросили якорь, и капитан послал на берег хорошо вооружённых матросов за пресной водой.

«Гулливер попросил капитана отпустить его на берег вместе с матросами».

И вот тут-то снова начались необычайные приключения доктора Гулливера.

Побродив немного, Гулливер вернулся к лодке. Но, к его удивлению, матросы, почему-то не дождавшись его, отчалили от берега. Гулливер хотел крикнуть матросам, чтобы они вернулись, но крик застыл в его устах: из-за скалы выскочил великан, о существовании которого доктор даже не мог подозревать.

Так попадает Гулливер в страну великанов Бробдингнег.

Среди великанов доктор оказывается лилипутом.

На каждом шагу ему грозят опасности: грудной ребёнок чуть не сунул доктора Гулливера себе в рот, от крыс он защищается шпагой, злой карлик бросает его в чашку со сливками...

Джонатан Свифт был писателем-сатириком. Он жил с 1667 по 1745 год.

Своей книгой «Путешествия Гулливера» он критикует социально-политический строй современной ему Англии.

Рассказывая о беспрерывной войне между Лилипутией и Блефуску, возникшей из-за выеденного яйца, он сатирически изображает бессмысленность борьбы вигов и ториев.

В книге воспроизведены рисунки Жана Гранвилля, талантливого французского иллюстратора первой половины XIX века.

«История одного детства» Е. Н. Водовозовой.

До 1861 года в России существовало крепостное право. Крестьяне принадлежали помещикам, были их рабами.

Об этом страшном времени оставила свои записки Елизавета Николаевна Водовозова.

Маленькой девочкой пришлось ей наблюдать жизнь крепостных, жизнь помещиков. Родители её, помещики, имели крепостных крестьян, которые с ног до головы одевали и обшивали своих господ.

Плохо жилось крестьянам Цевловских, родителей Водовозовой, но ещё хуже их положение было в соседних поместьях.

Недалеко от Цевловских находилась усадьба, принадлежавшая трём сёстрам, девицам Тончевым. «Все три сестры жили вместе, обожали друг друга и называли себя нежными уменьшительными именами»: Милочка, Дия, Ляля (младшей — Ляле — было сорок лет). Тяжела была участь их крестьян. Не раз крепостные обращались к своим госпожам, «говоря, что они не только разорены, но и завшивели, так как бабы не имеют времени ни приготовить холста на рубаху, ни помыть её». Но ничем нельзя было разжалобить помещиц.

«Убедившись в этом, крестьяне стали пропадать «в бегах», а иногда выражали непослушание сестрам».

Но вот терпение крестьян кончилось.

«Как-то раннею осенью все три сестры возвращались домой с именин часов в двенадцать ночи. Они ехали в тарантасе с кучером на козлах. Было очень темно, а им приходилось версты четыре ехать лесом. Когда они проехали с версту, их вдруг окружила толпа людей. Одни схватили под уздцы лошадей и стянули кучера с козел, другие вытащили из экипажа полужи-

вых от страха сестёр. Кучера и Лялю связали, заткнули им тряпками рты и оттащили в сторону. Милочку же и Дию сильно выпороли».

Особенно безрадостной была участь талантливых крестьян. В повести очень трогательно описан крепостной Васька, необычайно даровитый человек, обладающий настоящим музыкальным талантом. Пока жив был помещик, Васька «ходил в артистах». Но вот времена изменились. «Васькина музыка не нужна была больше в доме. Она раздражала матушку, и несчастный парень старался не попадаться на глаза своей хозяйке. Целыми днями не смел он прикоснуться к скрипке, боясь навлечь на себя гнев матушки. И лишь в тёплые летние вечера, когда на скотном дворе, в избах дворовых и в господском доме гасили огни, Василий пробирался на сеновал и начинал играть на скрипке»...

Галерея помещиков проходит перед нами. Вот «крёстный» Сергей Петрович, прозванный крестьянами «духовитым барином» за то, что тот увлекался духами. «Кроме духов, голубей и цветов, у крёстного была ещё одна страсть. Эта страсть была самая необыкновенная: крёстный собирал гробы». Вот дядя Макс, ненавидящий женщин; вот мелкопоместная дворянка Макрина, избивающая своих кормильцев; вот жених Нюты... Все помещики ведут праздную, никчемную жизнь. Труд они считают делом зазорным.

В последних главах описана учёба в Смольном институте. Жестокие невежественные классные дамы и тупые учителя окружают девочек. Побои, оскорбления, голод и холод терпят институтки.

В Смольный назначают нового инспектора, Константина Дмитриевича Ушинского. «Появление Ушинского,—пишет Водовозова,— произвело на нас такое впечатление, будто в тёмном и душном помещении вдруг отворили наглухо закрытые окна и впустили туда широкую струю света и воздуха... Мы точно ожили или проснулись, зашевелились, заволновались...»

Великий педагог пробуждает в сердцах воспитанниц любовь к труду, любовь к народу. И многие из них, окончив Смольный институт, честно служили своим трудом народу.

Повесть иллюстрирована художницей Е. В. Гилёвой.

Л. Румянцев. «Песня о нём не умрёт». Имя Павлика Морозова знают и помнят все пионеры нашей страны.

Более двадцати лет тому назад, 3 сентября 1932 года, кулаки убили славного пионера за то, что он горячо любил нашу Родину, за то, что он бесстрашно разоблачил кулаков, врагов Родины.

Молодой драматург Л. Румянцев написал пьесу о Павлике Морозове «Песня о нём не умрёт». В ней он рассказывает, каким был Павлик Морозов, как он разоблачал кулаков, как ненавидели его кулаки и как жестоко расправились с ним.

Глухим уральским селом была Герасимовка в то время. Непроходимые леса и болота окружали её. Но с каждым днём новая светлая жизнь проникала сюда; несли её коммунист Зимин Николай Михайлович и комсомолка-учительница Зоя Алексеевна. С ними пионеры и сельская беднота: дядя Фёдор, Игнат Соболев, вдова Наталья, Татьяна Семёновна Морозова. Все они мечтают о создании в Герасимовке колхоза. К ним присматриваются крестьяне-середняки.

Но кулак Арсений Кулуканов ненавидит советскую власть, которая лишила его спокойной жизни, дала власть беднякам, батракам. Все тёмные силы деревни собрал он вокруг себя. Кулаки против колхоза, они прячут от государства хлеб. Кулуканов спаивает слабохарактерного председателя сельского Совета Трофима Морозова, чтобы легче было творить чёрные дела.

Павлик Морозов, сын председателя сельского Совета, вначале любит своего отца, верит ему. Петька Саков, сын кулака, говорит Павлику: «Пусть мой папанька кулак, а твой жулик и пьяница. Ещё хуже, чем кулак». О том, что председатель потворствует кулакам, Павлик узнаёт из газеты. Сомнения закрадываются в душу Павлика. Он начинает приглядываться к отцу и убеждается, что тот заодно с кулаками. Л. Румянцеву удалось правдиво показать Павлика, его друзей. Удачно выписаны им и образы взрослых. Пьеса читается и воспринимается с интересом.

Павлику Морозову посвящена также книжечка стихов *«Юный барабанщик»,* написанная уральской поэтессой *Е. Е. Хоринской.* Тёплыми, задушевными стихами рисует поэтесса мальчика, у которого «билось горячее сердце в груди».

К. Махров. «У нас в школе». Преподаватель одной из школ г. Нижнего Тагила написал сборник рассказов об учениках пятых-седьмых классов. Книга знакомит нас с тем, как ребята учатся, отдыхают, как они готовятся стать достойными гражданами своей родины.

Б. Дижур. «Зелёная лаборатория». «В первой половине семнадцатого века в городе Брюсселе жил врач Ван-Гельмонт. Он был очень любознательным человеком.

«Откуда растение берёт силу для роста?» — думал он. Никто не мог ответить ему на этот вопрос. И вот он решил сам узнать об этом. Высушив и взвесив землю, он наполнил ею кадку и посадил в неё побег ивы...

Каждый день Ван-Гельмонт поливал иву чистой дождевой водой. Через пять лет маленький побег превратился в деревце. Тогда Ван-Гельмонт вынул деревце из кадки и, тщательно отряхнув прилипшие к корням комочки земли, взвесил. Землю, оставшуюся в кадке, он просушил и тоже взвесил.

Результаты взвешивания поразили Ван-Гельмонта. Земля весила почти те же восемьдесят килограммов. А ива стала тяжелее на шестьдесят шесть килограммов. Загадочная прибавка в весе не давала Ван-Гельмонту покоя. За счёт чего росла ива? Кроме дождевой воды, за все пять лет она ничего не получала».

Ван-Гельмонт решил, что «шестьдесят шесть килограммов дерева, коры и корней получились исключительно из воды». В те времена люди с выводом Ван-Гельмонта согласились. Но учёных следующих веков ответ этот не удовлетворил, и они продолжали поиски иных ответов. Очень медленно, но упорно учёные открывали тайну зелёных растений.

О том, как создавалась наука о жизни растений, повествует в своей новой книге «Зелёная лаборатория» уральская писательница Белла Дижур.

Многое для этой науки сделали русские и советские учёные.

Климент Аркадьевич Тимирязев, талантливейший русский ботаник, всю свою жизнь посвятил открытию тайны зелёных растений.

«Будьте внимательны к зелёным растениям,— говорил он.— Они изготовляют всё необходимое человеку. Они кормят нас, они одевают нас. Они дают нам жизнь и тепло. Изучайте же их, заботьтесь о них».

В своей лаборатории учёный «создавал растениям такие условия, при которых они сами рассказывали обо всех своих потребностях».

Солнечный свет кажется нам белым. Однако он состоит из отдельных цветных лучей: оранжевых, красных, жёлтых, зелёных, синих, фиолетовых.

Тимирязев заинтересовался тем, какие же световые лучи наиболее полезны растению.

Он ставит опыт и узнаёт, что красные лучи больше всего нужны растению.

Это было очень важное открытие.

Корни ржи и овса забираются вглубь земли на два с половиной метра.

Для чего же корни так глубоко проникают в землю?

Проделывая бесчисленные опыты, Климент Аркадьевич ответил и на этот вопрос.

Корни ищут растению воду и питательные вещества. Тимирязев также узнал, какие питательные вещества особенно необходимы растению.

Просто и увлекательно рассказывает Белла Дижур о великих поисках, которые проводили сначала русские, потом советские учёные в области «зелёной лаборатории» для того, чтобы добиться в нашей стране изобилия всевозможных продуктов.

Учащимся будет полезно прочесть эту книгу.

Олег Коряков. «Остров без тайн». В живописной местности, среди уральских гор, на берегу озера раскинулся пионерский лагерь Новометаллургического завода. Уже не первое лето отдыхают здесь пионеры: Саша Климов, Юра Поздеев, Данко Холмов, два неразлучных приятеля Петя-Ваня, толстушка Соня Клюшкина, Маша Сизова, Аня.

Много интересных дел у ребят.

Девочки заняты играми и рукоделием, высаживают на клумбы цветы. А мальчики все эти дни таинственно о чём-то

совещаются. Но Маша Сизова решила узнать, в чём дело. Узнать было очень трудно, и всё же...

«...— Их сейчас обсуждают,—рассказывала Маша.—Петя и Ваня стащили одеяло, подушку и простыню. Хотели в Антарктиду бежать одни, без звена. А Данко послал Сашу. Саша, конечно, их цап — и обратно. Потому что одни, без звена.

— Зачем же это одни? — сказала Соня.— Звеном интереснее.

— Ну вот, я же и говорю!

— Но всё-таки, какие они храбрые,— удивилась Соня.— Я бы испугалась.

Девочки засмеялись: ещё бы, такая трусиха! Зайчишка из куста выскочит, так Соня и то визжит.

— А вообще совет отряда обсуждает: разрешить звену Данко путешествие в Антарктиду или нет. Потому что...

— Хватит, Машук, болтать,— Аня с пренебрежением махнула рукой.— Плетёт, плетёт! Что за глупость — путешествие в Антарктиду! Ты географию хоть немного знаешь?

— А что, думаешь, если по географии тройка, так я не представляю, где Антарктида? Не беспокойся, знаю, у южного полюса, вся во льдах и прочее... Ведь я же не виновата, что они туда собираются.

— И вовсе они не собираются.

— Нет?!

Маша вскочила.

— Вот она не верит, а мы сейчас проверим. Только вы тихо сидите. Я сейчас...

Она подобралась к двери пионерской комнаты и прильнула глазом к замочной скважине. Несколько секунд она стояла так, не шевелясь, потом вытянула руку назад и пальцем поманила подруг к себе. А глаз её всё смотрел в скважину, и уши слушали очень внимательно».

Что услышала и увидела Маша, вы узнаете, прочитав новую книгу уральского писателя Олега Корякова «Остров без тайн».

Хорошие иллюстрации к повести сделал уральский художник В. Ф. Васильев.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Тимофеева. У синего моря, *рассказ* 3
Н. Садовый. Егор готовит сбор, Фока лежебока, Услуга, *стихи* . 32
Б. Рябинин. Кусочек стружки, *рассказ* 37
Л. Сорокин. Часы, Сон, *стихи* 54
В. Шустов. Трудная минута, *рассказ* 58
В. Трофимова. Баклажаны, *очерк* 69
Е. Покровская. Как вырос сад, *стихи* 78
И. Казанцева. Наш город, *очерк* 80
Б. Дижур. Золотой ключик, *очерк* 89
В. Батманов. Путь-дорога, *очерк* 95

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

М. Иванов. Карандаши, Зайчик, *стихи* 103
О. Коряков. Про Костю, *рассказ* 105
Е. Ружанский. Медицинская сестра, Повариха, *стихи* 114
Л. Татьяничева. Как море стало солёным, *рассказ* 118

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Михаил Иванович Глинка. *К 150-летию со дня рождения* 126
Великий русский писатель. *К 50-летию со дня смерти А. П. Чехова.* 131

В ЧАСЫ ДОСУГА

Шарады, ребусы 136
Книжная полка 139

Издательство просит читателей и библиотекарей присылать отзывы и замечания об этой книге по адресу: г. Свердловск, ул. имени Ленина, 49, Свердловское Книжное Издательство

Редактор *И. Круглик*
Художественный редактор *И. Колмогорцева*
Технический редактор *М. Ульянова*
Корректоры *Б. Попов и Р. Селянкина*

Подписано к печати 21/X 1954 г. Уч.-изд. л. 7,41.
Бумага $70 \times 92/_{16}$=4,62 бумажного — 10,82 печатного листа. НС57734.
Тираж 25000. Заказ 95. Цена 2 р. 85 к.

5-я типография треста Росполиграфпром,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

~~2 р. 85 к.~~
3 р. 95 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1954